

АНТОЛОГИЯ МЫСЛИ

НИКОЛАЙ
РЕРИХ

*Держава
света*

Николай Константинович Рерих Врата в будущее (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177070
Держава Света: Эксмо-Пресс; Москва; 2003
ISBN 5-699-00565-x*

Аннотация

Основы Этики и Культуры всюду нужны, – писал Н.К.Рерих. – Без этих целительных оснований угрожает возвращение в звериность и хаос... Все это не отвлеченность, но великая основная реальность... Дума о культуре есть Врата В Будущее.

В сборник вошли статьи написанные в разные годы.

Содержание

Крылья	4
Лихочасье	6
О мире всего мира	9
Великое наследие	11
«Страшный зверь»	13
Радуйся	15
Переселение искусства	18
Фан мемориал	21
Теснины	24
Следы мысли	26
Болезнь клеветы	28
Иран	30
Ценность прекрасного	32
Флора	34
Гималаи	36
Каменный век	38
Помощь	40
Подвижность	42
Постоянная забота	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Николай Рерих

Врата в будущее (сборник)

Крылья

Окрылились люди! Бороздят синеву самолеты. Несут ли добрые вести? Или панацеи? Или знания? Или помощь? А вдруг – бомбы? А вдруг губительные газы? А вдруг уничтожение? Чего больше?

Допущены ли бомбы, газы, убийства? Разрешено ли поношение рода человеческого? На каком совете решено убийство? Мирный поселянин где-то строит очаг, а может быть, за морями уже готовятся бомбы и яды, чтобы умертвить детей его! Кто знает, где таятся злоумышления? Где готовятся покушения? Не огрубело ли сознание, если оно так легко привыкло к созерцанию убийств? Люди ведь готовы платить за зрелище казни, точно в римском Колизее!

Захотел, повелел, и крылья человечества понесут смерть и гибель. А печатные листы отметят малым набором об уничтожении женщин и детей. Без крыльев эти убийства и не совершились бы. Итоги давних войн несравнимы с гекатомбами наших дней. Несравнимы и размеры всех разрушений, – ведь прежде они совершались примитивно, а теперь «цивилизованно». Где же заветы о такой цивилизации? Где же право на попрание всего достоинства человеческого?

Таковыми ли крыльями охранены врата в будущее?!

Но положим, что самолеты несут не губительных колдунов, не Черноморов, но вестников добрых. Предположим, что поворот рычага радио донесет лучшие созвучия. Отринем всякие наркотики, чтобы утвердилась трезвость. София, Вера, Надежда, Любовь – разве призраки? В век Матери Мира защитницы строения соберутся и окрылятся добрыми крыльями.

* * *

Французский ученый нашел в Ордосе своеобразные остатки древних несториан. Таким образом, знание местных языков и понимание местной жизни позволяет находить то, что еще вчера казалось уже несуществующим. То же самое, вероятно, можно сказать и о многих племенах пленников, переселенных когда-то в самые неожиданные местности. Так в мусульманском городе можно слышать буддийские напевы, а среди Китая можно узнавать традиции Каабы-Мекки и Медины.

Нет никаких возможностей проследить историю всех этих необычайных путей и наслоений. Можно с изумлением видеть, как, например, аланские наименования проникли по всей Европе, или как кельтские обычаи иногда сохранились в своеобразных перетолкованиях и во Франции, и в Шотландии, и в Испании – в самых, казалось бы, неожиданных местностях. Когда в итальянских примитивах вы замечаете несомненное знание и близкое соприкосновение с далеким Востоком, то еще раз вам становится ясным, насколько в далекие времена существовали гораздо большие международные сношения, нежели можно было представить. Джиованни ди Паоло знал Восток, когда изображал своих «Трех магов»! Знаем о посольствах, которые ехали к месту назначения целые десятки лет, не теряя при этом своего смысла. Значит, не столько примитивность бывших веков, сколько просто другой темп и ритм действий лежали в основе жизни.

Окрылились люди. Сейчас они перелетели, стремительно перенеслись через пространство. Они заспешили и затолкались, как на базаре перед его закрытием.

Уже раздаются голоса о тщетности такой поспешности, неоправданной духовными запросами и утверждениями. Люди стирают многие бывшие границы и в то же самое время изобретают подобные же, а может быть, и еще горшие ограничения. Ведь в древности границы бывали, прежде всего, символом защиты. Даже каждый двор бывал огражден, защищен. Разве не злоба, недоверие и вражда сейчас диктуют международные распри? Ради взаимного унижения люди готовы увлечься самыми нелепыми и злобно надушенными измышлениями. В таких порожденных недоброжелательством ограничениях, как духовных, так и физических, возникает новый ужас отрицаний. Среди всей этой разрушительной негативности, граничащей с невежественностью, опять затрудняется всякое разумное строительство. Кто-то когда-то сказал – «тесна моя улица!» Может быть, тогда теснота происходила от средневековых костров, а сейчас разве не те же, уже незримые, костры полыхают тем же пламенем злобы?

Разобраться во всей сложности вопля часа можно лишь доброжелательством, презрев все темные и злобные препоны. Все-таки остаются в распоряжении людей и такие крылья, которые будут соответствовать успехам авиации. Крылья духа! Помогите оправдать и физические находения человечества! Иначе некуда лететь и наполнять пространство. Поворачивая рычаги самого примитивного радио, вызываются из пространства и мелодии, и стечения, и какой-то ужасный рев, точно в сферы проявленные врывается безобразный хаос. Казалось бы, и радио, и простая фотографическая фильма достаточно напоминают, сколько недоступного физическому глазу и уху человеческому! Даже простой школьный микроскоп должен на всю жизнь внушить уважение к изощренности и бесконечному разнообразию обычно неуловимых форм. Даже такие примитивные приспособления должны бы обогащать благородство человеческого мышления, но происходит нечто странное, наука и ее достижения идут какими-то своими путями, а общечеловеческое мышление остается в каком-то обиходном прозябании.

Освободилось ли человечество от грубости мысли? Поняло ли оно высоту этики, воплощенную в жизни? Преклонился ли звериный произвол перед Высшим Строительством и восхитился ли дух человеческий великими Красотами надземными? Если вы зададите себе эти вопросы – трузмы среди грубых ударов бокса, среди окружающих хриплых воплей невежества, среди звериности наркотиков, среди нечеловеческой мерзости брани, среди убийства и взаимоуничтожения, то одно напоминание о вопросах благородства и созидания покажется чудовищно неуместным. Кабацкий ужас, звериное сквернословие, противочеловеческий разврат! Какое же может иметь соотношение к красоте это безобразие?!

Не от этих ли земных безобразий, углубленных современным человеком, кто-то хочет лететь в стратосферу? Кто-то хочет уйти хоть куда-нибудь выше и, может быть, принести еще одну формулу, которая проникла бы даже в озверелый мозг.

Эйнштейн советовал студентам временно удаляться на маяки для возможности сосредоточения в чистой науке. Многие возможности отвлечения от безобразного водоворота современности предлагают лучшие умы. Многие пустыни могут расцвести. Многие мечтают о крыльях, но эти крылья не есть лопасти аэропланов, несущих убийственные бомбы.

К каждому Новому Году будем объединять наше мышление на том, что суждены человечеству крылья, и оно получит их, когда захочет помыслить о них всю силу духа.

10 декабря 1934 г.

Пекин.

Лихочасье

Всем памятни знаменательные слова Ломоносова об отставлении Академии Наук от него.

«Ярость врагов с робостью друзей состязаются» – так отвечал Менделеев на вопросы – какой смысл в ярко несправедливом к нему отношении со стороны Петербургской Академии Наук! Нечто в том же роде заметил и Пирогов по поводу недоброжелательного отношения со стороны врачей.

В одной из неоконченных повестей Пушкин говорит: «Перед чем же я робею». «Перед недоброжелательством», – отвечал русский. Это черта наших нравов. В народе она выражается насмешкой, а в высшем кругу невниманием и холодностью. Не могу не добавить несколько строк из пушкинского «Путешествие в Эрзерум», которое кончается так: «На столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи... Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве». Так говорит Пушкин.

А вот как скорбно поминает Гоголь в своей переписке о несправедливом к Пушкину отношении: «Не будьте похожи на тех святошей, которые желали бы разом уничтожить все, что ни есть в свете, видя во всем одно бесовское. Их удел – впадать в самые грубые ошибки. Нечто тому подобное случилось недавно в литературе. Некоторые стали печатно объявлять, что Пушкин был деист, а не христианин; точно, как будто они побывали в душе Пушкина; точно как будто бы Пушкин непременно обязан был в стихах своих говорить о высших догматах христианских, за которые и сам святитель Церкви принимается не иначе, как с великим страхом, приготовя себя к тому глубочайшею святостью своей жизни. По их понятиям, следовало бы все высшее в христианстве облекать в рифмы и сделать из того какие-то стихотворные игрушки». «Я не могу даже понять, как могло прийти в ум критику, печатно, в виду всех, взводить на Пушкина такое обвинение, и что сочинения его служат к развращению света, тогда как самой цензуре предписано, в случае, если бы смысл такого сочинения не был вполне ясен, толковать его в прямую и выгодную для автора сторону, а не в кривую и вредящую ему. Если это постановлено в закон цензуре, безмолвной и безгласной, но не имеющей даже возможности оговориться перед публикою, то во сколько раз больше должна это поставить себе в закон критика, которая может изъясняться и говориться в малейшем действии своем. Публично выставлять нехристианином человека и даже противником Христа! Разве это христианское дело? Да и кто же из вас Христианин? Этак я могу обвинить самого критика в нехристианстве».

О себе Гоголь в авторской исповеди пишет: «Все согласны в том, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразных толков, как „Выбранные места из переписки с друзьями“. И, что всего замечательней, чего не случилось, может быть, доселе еще ни в какой литературе – предмет толков и критик стала не книга, но автор. Подозрительно и недоверчиво разобрано было всякое слово, и всяк наперерыв спешил объявить источник, из которого оно произошло. Над живым телом еще живущего человека производилась та страшная анатомия, от которой бросает в холодный пот даже и того, кто одарен крепким сложением».

Сколько скорби в этих признаниях!

Разве не тем же полна трагическая жизнь Лермонтова?..

Разве конец Мусоргского не от тех же темных причин?..

Вспоминаются полные болью слова Врубеля или рассказ Куинджи о том, как злые люди считали, что он вовсе и не Куинджи, но крымский пастух, убивший художника Куинджи.

Разве такое злоумышление не есть яркое свидетельство уже давно отмеченного недоброжелательства? Чем бы ни объяснять такое темное чувство, все равно никакого разумного смысла в нем не найдется; объяснить ли его только завистью? Но такое объяснение будет слишком ограничено. Объяснить невежеством и дикостью? Но тогда почему даже у диких племен часто высказывается взаимоуважение?

Каким же таким низменным темным состоянием нужно объяснить, когда у нас на глазах, русскую гордость, Голенищева-Кутузова называют изменником?

Какая же тут зависть!

Ведь это уже будет относиться к тому скотскому состоянию, о котором так горько и проникновенно сказал еще Котошихин.

Казалось бы, века прошли!

Казалось бы, на земле прошло столько ужасов, что, хотя бы из примитивной предосторожности, должна быть проявлена хотя бы предусмотрительность. Ведь прозвище Скотинина не должно радовать того, кто считает себя человекообразным.

Но наряду с низким Скотининым существует и злобное сатанинство. И никак Вы иначе не назовете это ужасно разрушительное состояние. Если с одной стороны несется торжествующий рев, угрожающий разрушением всем храмам и музеям, то с другой стороны готовятся пистолеты, чтобы застрелить всех Пушкиных и обозвать изменниками всех Голенищевых-Кутузовых и прочих героев Российской Истории.

Да, истинно, не только в войнах разрушаются Культурные Сокровища. Ценнейшие сосуды разбиваются в судорогах злобы. В полном одичании, в судорогах безумия произносятся самые разрушительные формулы. При этом потрясает та чудовищная безответственность, которая не дает себе труда хотя бы помыслить, к каким следствиям приведет это буйно-дикое состояние?

Буйный безумец должен разрушать, и, конечно, его животный мозг даже и не умеет одуматься и заглянуть в приуготовленное им самим же.

Где тут критика?

Где тут насмешливость?

Где тут недоброжелательство?

В ярости безумия смешиваются все формы. В безобразии хаоса уже не различаются никакие границы. А ведь припадки безумия бывают заразительны.

Сколько исторических примеров массового безумия.

Целые эпидемии психические возникали и горестно запечатлевались на страницах истории человечества. Но не странно ли видеть, что приговор Котошихина должен повториться и в словах Пушкина, должен так же отмечаться опять через столетия. Не слишком ли застарела болезнь? Не пришло ли время обратиться к вечным панацеям Добра и Света, и Законам Божеским, чтобы отогнать приступы сатанизма?

Когда сгущаются солнечные пятна, когда космически твердь содрогается, не пора ли сосредоточиться на мысли о том, как изгнать всеразрушающее безумие злобы?

Не пора ли признать, что ложь и клевета порождают самых безобразных пространственных сущностей?

Не наступает ли последний час, чтобы развернуть запыленные кодексы добра и отмыть глаз сердца?

Но Гоголь, сердцеведец, говорит также и так: «Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребях запечатанные меды их; перенимают, черт знает, какие басурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой со своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке».

«Но у последнего подлюжки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства; проснется оно когда-нибудь, – и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело».

Где же ты?

Зазвучи, отзовись, русское сердце!

12 декабря 1934 г.

Пекин.

О мире всего мира

«Имейте в себе соль и мир имейте между собою».

«О Мире всего мира». Не будет ли его моление одной из величайших утопий? Так говорит очевидность. Но сердце и действительная сущность продолжает повторять эти высокие слова, как возможную действительность. Если прислушаться к голосу поверхностной очевидности, то ведь и все заповеди окажутся неисполнимой утопией. Где же оно – «Не убий»? Где же оно – «Не укради»? Где же оно – «Не прелюбы сотвори»? Где же оно – «Не послушай на ближнего своего свидетельство ложно»? Где же исполнение и всех прочих простых и ясно звучащих основ Бытия? Может быть, какие-то умники скажут: «К чему и твердить эти указы, если они все равно не исполняются».

Каждому из нас приходилось много раз слышать всякие нарекания и предостережения против утопий. От детства и юношества приходилось слышать житейские советы, чтобы не увлекаться «пустым идеализмом», а быть ближе к «практической жизни». Некоторые молодые сердца не соглашались на ту «практическую жизнь», к которой их уговаривали «житейские мудрецы». Некоторым юношам сердце подсказывало, что путь идеализма, против которого их остерегали старшие, есть наиболее жизненный и заповеданный. На этой почве идеализма и «житейской мудрости» произошло множество семейных трагедий. Кто знает, в основе чего легли многие самоубийства – эти самые неразумные разрешения жизненных проблем. Ведь «житейские мудрецы» не остерегли вовремя молодежь от страшного заблуждения, приводившего даже к самоубийству. Когда же эти, постепенно обреченные, молодые люди спрашивали старших, будут ли в предполагаемой практической жизни исполняться Заповеди Добра? – старшие иногда махали рукой, кощунственно шепча – «все простится». И возникало между этим «все простится» и заповедями жизни какое-то неразрешимое противоречие. «Житейские мудрецы» готовы были обещать все, что угодно, лишь бы остеречь молодежь от идеализма. Когда же юношество погружалось в условную механическую жизнь, то даже книжники и фарисеи всплескивали руками. Но спрашивается, кто же повел молодежь на кулачный бой, на скачки, на развратные фильмы? Не сами ли «житейские мудрецы», со вздохом повторяя – «не обманешь – не продашь», усердно создавали разлагающие условия жизни. Когда-то говорилось: «Сегодня маленький компромисс, завтра маленький компромисс, а послезавтра – большой подлец».

Именно так, в самых маленьких компромиссах против светлого идеализма загрязнилось воображение и сознание. Темнота сознания начинала шептать о неприложимости в жизни Заповедей. Именно эта ехидна сомнения начинала уверять в ночной темноте, что Мир всего мира есть чистейшая утопия.

Но это моление когда-то и кем-то было создано не как отвлеченность, но именно как приказный призыв о возможной действительности. Великий ум знал, что Мир всего мира не только возможен, но и есть тот великий спасительный магнит, к которому рано или поздно пристанут корабли путников. На разных языках, в разных концах Земли повторяется и будет повторяться это священное моление. Неисповедимы пути, не людям предрешать, как, где и когда осуществится идеализм.

Действительно, пути непредрешимы. Но конечная цель остается единой. К этой цели поведут и все проявления того идеализма, так часто гонимого житейской премудростью. Также будет день, когда так называемый идеализм будет понят не только, как нечто самое практичное, но и как единственный путь в решении прочих житейских проблем. Тот же идеализм породит и стремление к честному, неограниченному знанию, как одной из самых спасительных пристаней.

Идеализм рассеет и суеверия и предрассудки, которые так убийственно омертвляют жизненные стремления человечества. Если бы кто-то собрал энциклопедию суеверий и предрассудков, то обнаружилась бы странная истина о том, насколько многие эти ехидны и до сих пор проживают даже среди мнящего себя просвещенным человечества. Но, поверх всех смут, добро поет о мире и благоволении. Никакие пушки, никакие взрывы не заглушат этих хоров. И, несмотря на все «житейские» ложно-мудрости, идеализм как учение блага все же останется самым быстро достигающим и самым обновляющим в жизни. Сказано: «Порождения ехиднины! Как вы можете говорить доброе, будучи злы?» Именно злосердечие будет нашептывать о том, что всякое благоволение недействительно и несвоевременно. Но будем твердо знать, что даже Мир всего мира не есть отвлеченность, но зависит лишь от доброжелательства и благоволения человечества. Потому всякое увещание по сохранению всего самого высокого и самого лучшего именно своевременно и облегчает пути кратчайшие.

Пусть благие символы, пусть самые благожелательные знамена развеваются над всем, чем жив дух человеческий.

25 декабря 1934 г.

Пекин.

Великое наследие

Почти сорок лет тому назад довелось обратить внимание на замечательные, по стилизации своей, скифские древности и родственные им в духе, так называвшиеся тогда, чудские бляшки. Тогда еще скифские древности понимались лишь как перетолкование греческого классического мира, а чудские древности относились к чему-то просто примитивному. Сам живоотнообразный романеск казался просто романтическим средневековьем.

Помню, как когда-то в одном из художественных журналов мы указали на необыкновенный стиль этих животных композиций, то один писатель Ф., считавший себя очень изысканно современным, посмеялся над этим, не находя нужным серьезно полюбоваться и обсудить такие замечательные находки.

С тех пор много воды утекло. Появилась целая наука о «зверином стиле». Самые замечательные ученые обратили внимание на эти наследия великих путников и отдали должное внимание этим необыкновенным стилизациям. Действительно, как это ни странно, но великие кочевые народы оставили по себе целое сокровище, так близкое художественной концепции нашей современности.

Думаю, что сейчас никакой писатель, мыслящий себя образованным, уже не станет смеяться над столь выразительными и богатыми в композиции бронзовыми фигурками. Наоборот, и современный художник, и археолог придут в одинаковое восхищение, наблюдая эти изысканнейшие формы живоотнообразного царства. От средневековых химер и бездонно вглубь, может быть, к самым пещерным рисункам, протянулось ожерелье богатого народного творчества. И в бронзе, и на скалах, и на остатках тканей народы, носившие столь разнообразные наименования, запечатлевают свою фантазию. С каждым годом все новые области присоединяются к этим открытиям. После Кавказа и Минусинска находки средней Азии, Гималаев, Тибета, а теперь Ордоса, Алашани и других монгольских местностей, дают новые и блестящие находки. Только что мы видели и интересную книгу Андерсона, а также блестящее собрание ордосских бронз, находящееся в Пекине у миссис Картер. Некоторые формы из этого разнообразного собрания перенесут нас и на Урал, и в Пермь, и в Минусинск, и в Луристан, оживляя пути великих насельников. Можно было вновь порадоваться, любуясь замечательными стилизациями горных козлов, оленей, леопардов, птиц, змей и других реальных и фантастических существ.

Видно, что это народное творчество было не только связано ритуальными надобностями. Легко можно усматривать широкую композиционность, входившую во все украшение жизни. Особенно это делается очевидным, когда Козловым были найдены в курганах Монголии остатки ткани с теми же богатыми живоотнообразными орнаментами. Эта потребность разнообразного украшения жизни показывает, насколько эти народы носили в себе настоящий потенциал неистощимой фантазии. Ведь это не были греческие подделки под определенный стиль, это были народные, непосредственные выражения, изливавшиеся из эмбрионов творчества. Потому можно понять, почему и дальнейшее творчество, как тех же народов, так и их наследников, дало много незабываемых памятников искусства и большие страницы истории. Само передвижение подобных народов показывает ненасытную устремленность. От океана до океана, через все препоны и трудности, шли путники воображенного града. Тоска по светлому Китежу, неутомное хождение в Беловодье, поиски Грааля, не от тех ли исканий, когда наблюдательный проникновенный взор восхищался богатствами царств природы, звал неутомимо вперед.

Было бы малым решение предположить, что эти путники механически выталкивались народностями, восставшими позади. Правда, незабвенный Тверитянин восклицал – «И от всех наших бед уйдем в Индию» – куда он все-таки и ушел и, подкрепившись светом путе-

шествия, вернулся назад, овеянный чудесною опытностью. Конечно, эти «беда» Тверитянина не были только бедами физическими. Конечно, его духовное начало, начало бедствовать от каких-то несоответствий. Сердце его вне узкопрактических соображений подсказало ему путь необычный и оздоровляющее движение. Этими поисками оздоровляющих движений, конечно, объясняются даже и движения целых народов. От движений народы ни уставали, ни ослабевали, но в расширении кругозора накапливали богатство воображения.

Действительно, воображение есть не что иное, как заработанный накопленный опыт. Чем больше изощрялся глаз и ум, тем многоцветнее загоралось творчество. Богатство так называемого звериного стиля именно является одним из неутомимо накопленных сокровищ. Как мы говорили, оно не только потребовано какими-то ритуалами. Оно широко разлилось по всей жизни, укрепляя и дальнейшее воображение к подвигам бранным и созидательным.

Химера Парижского собора, разве не вспоминает она о пространствах Ордоса, или о Тибетских нагорьях, или о безбрежных водных путях Сибири? Когда богатотворческая рука Алланов украшала храмы Владимира и Юрьева Польского, разве эти геральдические грифоны, львы и все узорчатые чудища не являлись как бы тамгою далеких Азиатских просторов. В этих взаимных напоминаниях звучат какие-то духовные ручательства, и никакие эпохи не изглаживают исконных путей.

Люди думают о каких-то новых определениях. В условном наименовании Евразии они хотят выразить еще одно богатство сочетаний. В геральдическом единороге вспоминается однорогая тибетская антилопа, и франкская Милюзина перенесет вас к Гандарвам Индии. При этом будет звучать богатство воображения, заработанное в героических поединках на далеких путях.

Многие названия несоответственны или незаслуженны. Так и само наименование звериного стиля внешне односторонне. Он звучит для вас не одними звериными формами, но именно своим творческим богатством и своеобразием стилизации. Какое-то другое, более существенное по глубине, определение заслуживает этот стиль, выросший из жизни, как чудесная сказка импровизации хожалого баяна. Звериность не будет внутренним признаком этого стиля. Его художественное благородство и богатство просят какое-то более выразительное определение. Наверное, такое определение, а может быть и не одно, будет найдено по мере накопления новых открытий.

В истории человечества поучительно наблюдать знаменательные волны открытий. Нельзя сказать, чтобы они зависели лишь от случайно возбужденного интереса. Вне человеческих случайностей, точно бы самые недра земли в какие-то сужденные сроки открывают тайники свои. Как бы случайно, а в сущности, может быть, логически, предуказанно, точно бы океанские волны, выбрасываются целые гряды знаменательно одноподобных находок. Так и теперь, после Венгрии, после Кавказа и Сибири, появились прекрасные находки Луристана среди Азиатских пространств, а теперь и Алашани и Ордоса и, вероятно, среди многих других, как бы предназначенных местностей.

Знаки великих путников выступают не случайно, и потому особое внимание к ним тоже далеко от случайности. Словно бы недра земли раскрываются и поучают, когда нужно, богатствами, накопленными ушедшими племенами.

Великие путники оставляют знаменательные знаки.

24 декабря 1934 г.

Пекин.

«Страшный зверь»

«Сильнее кошки – зверя нет». Как разнообразно в течение многих веков прошла эта пословица, первоначально данная каким-то глубоким психологом. В истории человечества психологирование пространства представляет собою необыкновенно поучительную главу. От древнейших времен, и в военных и других государственных делах этот принцип являлся поражающим. Мы знаем, как в середине века датские рыбаки не решались выходить в море ввиду азиатских событий. Мы знаем, как остановленные всадником путники терпеливо ожидали его, пока он сходит в стан за мечом, чтобы отрубить им головы. И теперь много где можно подмечать такую же терпеливо склоненную голову. И в военных и в экономических потрясениях эта как бы предрешенная неизбежность поворачивала целые страницы истории.

«Страх сковывающий». Разве не лежит именно он в основе так многих несчастий? Конечно, может случиться и не менее ужасный противовес, а именно – буйное разрушение всех основ. При той и другой крайности панацеей может быть лишь основа культуры. Как бы некоторые двуногие ни пытались забыть об этом краеугольном понятии, оно напомнит о себе. Чем более оно будет запущено – тем грознее может быть напоминание.

Эзоповы басни были своего рода знаменем времени. В них нельзя заподозрить ни просто сковывающий страх, ни просто загадочную тайну. Такие басни являются символическим иероглифом. Так, бывало, оставлялись нашими предками мудрые, накопленные опытом, наставления, выраженные условным языком, чтобы не метать бисера перед свиньями. Именно, не ради страха, но ради мудрой бережности не однажды прибегалось к условному языку, который в результате своем имел, может быть, и условный жест или условный молчаливый взгляд.

Вот мы слышим о каких-то допросах с пристрастием, об ужасах пыток, происходящих в наше так называемое культурное время. Какой это срам! Какой это стыд знать, что и сейчас совершенно так же, как и во времена темнейшие, производятся жестокие мучения! Изобретаются отвратительные приспособления, лишь бы понудить человека. Можно ли допустить, что тысячелетия должны пройти для того, чтобы люди в прежней звероподобности бросались друг на друга, мучили и навсегда обезображивали как тело, так и дух. При этом часто рассказы о пытках и мучениях передаются без всякого возмущения, а просто как естественный факт современности. При этом ни судьям, ни следователям, ни, конечно, самим палачам и в голову не приходит, что без всяких жестоких и безобразных пыток возможно изыскание истины под самым простым гипнозом.

Казалось бы, за все время эволюции науки уже достаточно было выяснено о применимости гипноза, внушения. Конечно, эти энергии не могут быть широко даваемы массам, которые легко могут применять их во зло. Но правительства, в строго научных пределах, конечно, с гораздо большими просвещенными результатами могли бы пользоваться такими приемами, нежели пребывать на уровне диких пыток.

Известно, что в некоторых странах научные приемы уже применяются при судебных следствиях. Известны многие случаи поразительных результатов, которые невежественным людям кажутся чем-то чудесным. Но если науке суждено продвигаться в сфере изучения энергий, то приложение их в обиходе будет самым естественным.

Сейчас, казалось бы, даже смешно говорить о таких истинах, как гипнотизм, внушение. Всякий знает, что лечат пьяниц и разные виды психоза именно внушением. Всем известны случаи, когда вместо наркотиков при операции боль останавливалась тоже внушением. При этом окружающие условия бывали даже неблагоприятными, и тем не менее

должные следствия получались. Значит, насколько же удачнее могут быть следствия, если соблюсти лучшие окружающие условия?

Сколько суеверий и темных предрассудков могут быть избегнуты честными опытами и наблюдениями. Новые области общественных отношений откроются и обогатятся именно не предположениями, а научными изысканиями.

Но дело-то в том, что люди очень часто именно боятся таких изысканий. Именно накопленные столетиями суеверия заслоняют самые разумные размышления о возможностях. Ведь мудры были те, кто уже когда-то давно в разных выражениях напоминали о том, что «страшнее кошки – зверя нет».

31 декабря 1934 г.

Радуйся

В радости, простоте и в неожиданности звучат многие прозрения. И никак иначе вы не назовете эти искры знания, как прозрение.

Приходит из Тибета лама. По виду совершенно простой путник. Обносился он в далеких горных хождениях, потерял много сил, исхудал и покрылся бронзовым загаром от зноя и холода. Пришел в Гималаи как раз незадолго до нашего отъезда. Спросили его, бывают ли у него видения или какие-либо замечательные сны? Сначала отрицал: «Нет, ничего не бывает; ведь я простой лама» – настоящий лама никогда не будет оповещать о своих особенностях. Попросили его: «Если увидишь что-либо, то скажи». На следующее утро горный гость опять пришел и самым тихим, простым голосом заявил, что «видел». А затем, также совершенно просто, он описал весь наш предстоящий путь, который никто из местных жителей и не мог бы знать.

Конечно, путь был рассказан без названий, описательно. Но эти описания поражали своею точностью и характерностью. И морское путешествие, и пребывание в Париже; затем опять буря на большом море и затем Америка с любопытными признаками страны, где так много движения, огня и высочайших домов. Потом опять море, снег, страна со многими храмами и ручными животными. Затем следовали ясные намеки на Хинганские сопки, на многих людей, и хороших, и дурных. Затем шло описание другой страны с храмами и с большим изображением Будды, а там – страна, где живут в юртах и палатках, где много баранов и коней. Конечно, все характерные намеки сопровождалось еще многими подробностями, усыпанными и своеобразными сравнениями, и жестами.

Все это повествовалось эпически спокойно и просто. Точно бы путник рассказывал свое собственное хождение. Были сказаны и следствия нашей поездки, которые решительно никому не пришли бы в голову. Во всех таких случаях прозрения прежде всего поражает какая-то особенная простота и непосредственность. Точно бы сидите вы в глубине комнаты, а кто-то подошел к окну и стал рассказывать вам о происходящем на улице.

А разве не в той же поразительной простоте было не так давно сказано одному из наших спутников об его отъезде через восемь месяцев. И затем этот же срок опять был повторен в словах, быстро брошенных. Так же точно помню, как однажды при отходе поезда стоявшая у вагона цыганка вдруг бросила скороговоркой отъезжавшей даме одно правильное и существенное указание.

Не собираюсь перечислять очень многие случаи таких прозрений, бывавших и на Востоке, и на Западе, свидетелем которых приходилось быть. Об этом много писалось, и каждый знает, что наряду со многими выдумками существует целый мир чудесной действительности.

Сейчас хотелось бы обратить внимание на то, что наиболее истинные проявления всегда бывают сопряжены с необыкновенной простотой, непосредственностью и очень часто со стремительностью. Также часто человек прозревший говорит не тогда, когда его спрашивают, – не во время вопроса, а иногда даже и без всякого вопроса. При этом сказанное, даже очень срочное, указание будет сообщено и тихо, и быстро, и как бы невнятно. Точно предполагается, что чье-то внимание уже настроено, что тот, к кому эта весть относится, уже ждет и сумеет принять ее.

Внезапность как бы отвечает настроенности. Люди, между собою ясно согласившиеся, понимают друг друга с полуслова. Так же точно и в пределах прозрений какая-то незримая струна прозвучит и обратит внимание. Благо тем, кто умеет хранить бережную настроенность. Для этого нужна подготовленность. Но истинная готовность образуется

не какими-то насильственными сосредоточениями, но именно такую же простотою, которая лежит в основе всех значительных действий и событий.

Часто всем приходится слышать о справедливости первого впечатления и о лукавстве последующих, лживых наносов. Несомненно, самое первое впечатление происходит от сердечного чувствознания, и, конечно, все последующие наслоения уже будут затемнены рассудочными условностями. Это так. Но как же отличить границу первого впечатления от последующих.

Очень часто вы можете слышать о том, что человек сетует на неверность якобы первого своего впечатления, а на самом деле он имеет в виду уже вовсе не первое, а, может быть, второе и третье впечатление. Ведь вне времени вспыхивают искры озарения. В живом пространстве беспрерывно сменяются новые сочетания. Только простота чистого сердца безошибочно ухватит знак первый и зов первый. Именно такое сердце ощутит и укол лжи, и холод прикрытой выдумки.

Потому-то так радостно сердцам вмещающим встречаться. Обмениваться как словесной, так и бессловесной беседою и взаимно сочувствовать даже и на расстоянии. И чем проще, прямее, непосредственнее будут эти замыкания сердечного тока, тем большее взаимопонимание и полезность возникнет. Краткие, чуть слышные касания крыльев истины – они ниспосылаются во благо для истинной пользы. Только лукавые загромождения уводят сомневающихся путников в чашу и бездну.

Когда-то обращения начинались с многозначительного привета: «Радуйся». В этом приказе о радости заключено было и пожелание очищения сердца для лучшего восприятия. Именно в утреннем чистом воздухе, в радостном чистом сердце возможны те великие восприятия, которые понижают в вечернем послезакатном смятении.

Слишком много низко-земного облепляет сердце, отягощает его, одурманивает. Не даром повторяется, что утро вечера мудренее. Разве не будет выражением истинной мудрости высокие, мгновенные озарения истины? И всякое такое озарение приносит мудрую радость; и лучшая радость всегда будет сохранять в себе и качество простоты. От сложных противоречий радость не возникает. Радость в себе самой прежде всего имеет качество непосредственности, прямоты, улыбки всему существу. Именно радость помогает перешагнуть через препоны вражеские. Радость является одним из лучших условий преодоления вражеских нападений. Уже нечего говорить, что радость всегда будет ближайшим путем к восхищению.

Конечно, древнее приветствие – «радуйся» – даже в отрывочных упоминаниях, которые дошли до нас, иногда делалось условным и утрачивало смысл. Но все-таки приказ о радости может быть полезен даже при горестном извещении. В этом будет как бы заключаться Соломонова мудрость, сказавшая: «И это пройдет». Много житейских положений должен был знать тот, кто мог в кратком «и это» понять, как многое наслаивается, проникает и сменяется.

В сменах текущих отражений особенно драгоценны искры озарения, когда их может уловить развлекающееся сознание человеческое. В простоте чувствознания воспринимаются и зовы дальние, точнее и быстрее всех радиоволн.

Лама спешит.

– Почему торопишься?

– Учитель зовет; очень болен, надо поспешить.

– А где же твой учитель?

– На Кайласе в пещере.

– Когда же ты получил весть, ведь до Кайласа многие сотни миль?

– Сейчас получил.

Так в простоте произносятся слова знаменательного характера. В этот миг не то важно, что пришла весть, которая через месяцы подтверждается, но важно лишь то, что нужно

спешить. Произошло нечто совершенно обычное, не выходящее за пределы возможности каждого дня, и в простоте произносится зов чувствознания. То же простое чувствознание подскажет и лишний раз произнесет знаменательное «радуйся», приказ, выводящий из сумерек, – РАДУЙСЯ.

2 января 1935 г.

Пекин.

Переселение искусства

В конце прошлого века мы устраивали передвижные выставки французского и американского Искусства, которые, кроме уже бывших всемирных выставок, были одними из пионеров современного переселения Искусства. Великие переселения народов, как в прошлом, так и в настоящем, имеют много аналогии. Сейчас, конечно, одним из первых вестников таких движений является, как и следовало ожидать, Искусство. Когда мы писали на гербе наших Учреждений о всенародном значении Художества, мы также имели в виду и взаимное понимание народов посредством языка Искусства.

За последние годы в этом отношении было сделано очень много. Всевозможные институты Искусств, Общества и Лиги, каждая в своих пределах, стараются способствовать обмену искусства и взаимному пониманию посредством лучшего всемирного языка – творчества.

Даже в самые удаленные страны проникают и передвижные выставки, и лекции, и концерты. За период после великой войны можно наблюдать поразительные мирные завоевания Искусством. Имена писателей, художников, артистов и музыкантов, как композиторов, так и исполнителей, так же как и сведения о движении науки, совершили огромный путь. При путешествиях можно с радостью убеждаться, насколько неожиданно широко раскинулись эти мирные вдохновляющие сведения даже в самых неожиданных уголках мира.

Когда-то спесивые политики и вожди государств, вероятно, даже не допускали и мысли, насколько могут быть действительны такие неутомимые вестники Культуры. Наверное, многие из таких политических деятелей искренно были бы удивлены, если бы узнали, какие способствующие мощные факторы неудержимо растут в мире. Действительно, как бы ни старались некоторые двуногие затемнять значение творчества как мирового двигателя, никакие механические мозговые вычисления не опрокинут достоверные данные о росте культурных сношений. При этом не забудем, что эти сношения в большинстве случаев происходят не от правительства, но от общественно-частной инициативы. Таким порядком сами народы участвуют в широчайшем мировом строительстве, упрочивая основу культуры. Должна быть очень подчеркнута эта общественно-частная инициатива. Она является светлым показателем того, как поверх всяких смущений и недоразумений мировая мудрость в неизреченных мерах строит свои пути достижения.

Во многих отраслях творчества: и в писаниях, и в изобразительных искусствах, и в театре, и в самоновейших фирмах – всюду сейчас замечается любопытнейшее обстоятельство. Переселение Искусства происходит не только в распространении или ознакомлении со своим Искусством, но и в желании работать в формах соседних Искусств. Можно наблюдать, как, например, в театральном деле Восток мечтает о западных формах, а Запад часто вдохновляется именно своеобразием Востока. В театрах Китая и Японии подчас можно усмотреть какое-то подражание Холливуду. Между тем, сколько попыток в восточной сфере происходит среди парижских и американских выставок. Точно бы сам национализм обоюдно осуждается. При этом является большим вопросом, все ли видали удачный китайский или японский Холливуд и постоянно ли убедительны восточные экскурсии, олицетворенные западными руками? Среди множества таких попыток сравнительно немногие вполне убедительны.

Конечно, не будем считать всякие дешево-поверхностные постановки, которые совсем и не заняты вопросами внутренней убедительности и характерности. Даже и во многих лучших случаях, в которых налицо очень почтенные устремления, часто не хватает внутренней убедительности. А ведь это одно из самых основных условий во всех видах творчества. Вся-

кая нарочитая подражательность не приводит к желательным результатам. И в этом смысле получается какая-то механизация или технократия в чисто внешних приемах.

Правда, часто вы замечаете, что автор старался ознакомиться с музейно-архивной частью. Наверное, он советовался с какими-то специалистами, но вы сейчас не можете распознать, когда именно автор полюбил сущность своего творения или же в нем преобладали какие-либо другие задания и желания. Заданная вдумчивость все же не создает убедительности, проистекшей из знания, выросшего из любви.

Сами авторы, вероятно, не всегда смогут дать даже себе отчет, когда именно их устремляло специальное задание, приказанное особыми современными условиями, или когда творчество сложилось из неудержимой песни сердца. В этом смысле произойдут также какие-то своеобразные деления цивилизации и культуры. Иначе говоря, условные современные задания будут как бы в пределах цивилизации, а убедительная песнь сердца, всепобеждающая и незабываемая, уже будет в области культуры.

Когда в разных странах встречаются такие условноодолженные формы творчества, чаще всего приходится опасаться за правильность путей так желанного переселения Искусства.

Особенно теперь, когда многие народы сознательно открыли глаза и на свое прошлое и в то же время овладели новейшими достижениями, можно ожидать, что переселение Искусства опять найдет правильное русло в берегах истинных звучаний народов. Очарование этих истинно народных звучаний трудно понимаемо в дальних странах, различных и психологически, и климатически. Зачем же мы будем допускать какие бы то ни было подделки, когда возможно открытие истинно народных источников. Мы видим, что в Индии, Китае, Японии живет свое театральное искусство. К чему же ему Голливуд, который по-своему скажет слова творчества, которые присущи именно ему.

За последнее время повсеместно отмечилось необыкновенное замечательное явление. В самых неожиданных странах проявились свои собственные артисты, творцы, исполнители. Мы-то этому несколько не изумляемся, ибо всегда знали, что это так, и так и должно быть, но для многих это простое обстоятельство было целым откровением. Такие откровения лишь показывают неосведомленность многих и неоправданную спесивость, что будто бы многое кому-то не должно быть доступно. Такая ограниченность мышления – просто невежественность. Есть много прекрасных обстоятельств, которых люди не хотят допускать. В деле же обмена Искусством должна быть особенно приложена вся заботливая изысканность, вся истинная любовь, которая отоплит и даст творчеству убедительность.

Великие путники древности верили в свои переселения. Они не только были гонимы какими-то тяжкими условиями; они двигались в каких-то больших творческих решениях. Конечно, они любили эти передвижения, а лучшие из этих путников с величайшим вниманием впитывали в себя встреченные особенности и красоты. Мы убеждаемся в этом по наследию, оставленному ими. Также и переселение Искусства будет широко исполнять свою мировую объединительную задачу. На этих славных путях ТВОРЧЕСТВО останется истинным звучанием народов со всеми их неиссякаемыми ценностями. После великих путников оставались нетронутыми и те живописные горные хребты и безбрежные моря и реки, преодоленные ими. Также останутся неповрежденно убедительными источники красот народных, переданных творчеством в бережности и глубокой любви.

Пути общения Искусства и Науки, конечно, будут и удлиняться, и расширяться. В истории нашего времени это культурное завоевание будет не только отмечено, но и оценено с полным вниманием.

Время великих переселений и глубоких взаимопониманий! Пусть будет так!

*4 января 1935 г.
Пекин.*

Фан мемориал

Конфуций заповедал своим ученикам – «изучить как можно больше видов птиц, животных, трав и деревьев».

В Пекине недалеко от поэтического северного озера, где высится прекрасный белый субурган на горе, рядом с Пекинской библиотекой, можно видеть новое просторное здание института биологии в память Фана, китайского деятеля, неоднократно занимавшего министерские посты и покровительствовавшего наукам. Фан всегда очень интересовался естественной историей и организовал Музей естественной истории в Пекине. Пишут, что он интересовался судьбой этого учреждения даже во время болезни. Потому общество «Чанг-Ши» и «Чайна фундейшен» назвали Институт в память этого большого деятеля Китая. Институт существует с 1928 года, и с тех пор в нем произведены очень значительные научные работы. Прежде всего, Институт посвящал свои занятия китайской флоре и фауне. При образовании Института он имел сравнительно небольшой ежегодный бюджет в 30000 мексиканских долларов и помещался вначале в старой резиденции самого Фана. Доктор Пинг был назначен первым директором при одном профессоре, двух ассистентах-профессорах, двух ассистентах и одном художнике. Теперь же бюджет его вырос до 66000 местных долларов; кроме директора и профессора в состав Института входит 5 ассистентов-профессоров, 12 ассистентов, 3 художника и два препаратора.

Институт предполагает через своих членов произвести работу по составлению национального гербария и особенно сосредоточиться на флоре и фауне Хопейской провинции. Кроме этой провинции, ботанические и зоологические собрания поступают из Чехвана, Юнана, Квантунга и других местностей. Гербарий включает уже более 38500 названий, не считая многих необходимых дубликатов. В технологической лаборатории имеется более 3000 дендрологических образцов, из которых 1826 относятся к Китаю. В зоологическом отделе более 105000 номеров. Кроме того, в ботаническом отделе имеется коллекция из более чем 17000 фотографий растений Китая.

Издание Института заключается в 4 сериях бюллетеней Института – китайские растения, китайская фауна и китайские кустарники. Кроме того, печатается серия популярных справочников на китайском языке. Институт работает в ближайшей кооперации с агрикультурным институтом Киангце и с ботаническим садом Кулинга. Этот ботанический сад озабочивается разведением огромного числа китайских растений экономического значения, чтобы культивировать для употребления большое число знаменитых китайских цветов, которые очень ценятся за границей, но сравнительно мало культивируются в самом Китае. Этот же сад обращает большое внимание и на древесные насаждения, чтобы и в этом направлении способствовать лесоводству Юго-Восточного Китая. В задачу входит также культура скрещивания китайских цветов – это огромное поле для исследования с большим экономическим значением.

В ближайшую программу Института Фан, таким образом, входит: 1) собрать богатейший гербарий Китая, посвященный, главным образом, самым значительным провинциям; 2) произвести полнейшее исследование китайской дендрологии, издавая иллюстрированные книги о лесах Китая; 3) сделать лишанский ботанический сад центром садоводства и лесоводства; 4) поднять технологическую лабораторию как центр дендрологических изучений в Китае; 5) обогатить собрание птиц, рыб и моллюсков; 6) производить исследование биологии морских и пресных вод и способствовать рыбным промыслам.

Институт Фана за свое краткое шестилетнее существование при малом бюджете и малочисленном научном составе, конечно, не может сравниться с такими многолетними учреждениями, как, например, Королевский Ботанический сад в Кью около Лондона или

биологическое бюро в Америке, но приятно видеть, что и за несколько лет своего существования институт Фана представляет из себя уже большое национально обоснованное учреждение со всеми задатками быстрого и мощного развития.

Каждое учреждение прежде всего выражает в себе способности и энтузиазм своего руководителя. «Каков пастырь, таково и стадо». В этом смысле Институту Фана посчастливилось, директором его состоит Хсен-Су-Ху, выдающийся ученый Китая, который вносит в учреждение свое тот истинный патриотизм, который является верным залогом преуспевания.

В «Естественно-Историческом бюллетене» доктор Хсен-Су-Ху пишет:

«Живя в стране, богатой флорой и фауной, мы – китайцы являемся прирожденными естествоиспытателями; наши праотцы, задолго до эры Конфуция, уже изучали и применяли к употреблению растения и животных нашей страны. Кроме легендарного мудреца императора Шен-Нунга, отца китайской фармакопеи, который в своих необыкновенных способностях испытал сотни лекарств, мы находим между тринадцатью классиками, доконфуцианского словаря „Эрх-Ия“, множество названий растений и животных, записанных и объясненных. Конфуций сам заповедовал своим ученикам – „изучать как можно больше видов птиц, животных, трав и деревьев“. Великий словотолкователь династии Хан-Шу-Шен в своем большом словаре „Свех-Вен“ включил многие имена растений и животных. Первый травник „Пен-Цзао“ относится к Тао-Хун-Чин-Таойской ученой династии Чин. С тех пор много изданий травников были написаны вместе с трактатами о горных пионах, апельсинах, чае, травах и деревьях Южного Китая, включая грибы и мхи. Великий исследователь трав династии Минга Ли-Ши-Цзин пересмотрел старинные травники и составил из них свою знаменитую книгу „Пен-Цзао-Кхунг-Му“. Наконец, ученый, государственный муж, губернатор Ву-Чин-Чун, живший в ранний период маньчжурской династии, закончил свою большую работу „Чи-Ву-Минг-Ших-Ту-Кого“, первый чисто ботанический трактат, в котором он описал несколько тысяч видов растений, сопровождаемых многими тонко исполненными, иллюстрациями. Эти иллюстрации были так прекрасно выполнены, что многие из них могут быть вполне употреблены для определения видов, и даже в таких технически трудных растениях, как орхидеи. Итак, прилежными трудами наших знаменитых праотцев, мы – китайцы теперь располагаем ботаническими источниками более, нежели какой-либо народ в целом свете».

«Прогресс ботанических наук в Китае, имея в основе блестящие достижения наших праотцев, внушает блестящие надежды. Как вы знаете, биологическая наука, в современном ее понимании, установилась в Китае лишь недавно. Ботанические исследования еще 15 лет тому назад были почти неизвестны. Но сейчас мы имеем уже 23 университета и высших школ по всему Китаю, как правительственных, так и частных. Каждый из них имеет отдел биологии с сильным персоналом, достаточным бюджетом и с современно поставленными лабораториями. Кроме того, имеется 6 институтов для исследований, в которых изучение ботаники поставлено вполне хорошо». Затем следует описание задач и достижений упомянутых научных учреждений, в котором вы чувствуете неподдельный оптимизм, основанный на современных патриотических чувствах, проявляющихся в современном Китае. В конце доклада автор сообщает о ботаническом обществе, организованном последним летом. В обществе участвует до 70 испытанных ботаников, известных по своим исследованиям в разных отраслях этой науки. Будет издаваться популярный журнал. В каждом номере журнала предполагается ботанико-садоводственная статья, знакомящая читателей с бесценным сокровищем прекрасных китайских орнаментальных растений, повсюду так ценимых, но, странно сказать, довольно мало культивируемых самими китайцами. Деятельность этого общества должна пропагандировать ботанические сведения между любителями этого дела во всей стране.

«Рассматривая последний прогресс ботаники в крае, я очень радуюсь усиленным темпам достижений профессоров ботаников; до известной степени, я недоволен сравнительно малой кооперацией любителей. Мы должны понять, что в Европе прогресс в ботанических и зоологических науках в значительной степени поддержан усилиями любителей».

«Китайские ученые знамениты в своих исследованиях по археологии; конечно, они могут достичь и в естественной истории столько же, если их сердца обратятся к ней. Я верю, что прогресс ботанических и зоологических наук будет в этой стране несравненно быстрее, если он будет поддержан не одними профессорами биологами».

Нужно вполне согласиться с выводами почтенного автора. Именно наука должна приглашать в свои заповедные поля всех любителей. Именно любовь и сердечная заботливость создает те блестящие заповедники, которые двинут по пути культуры будущие поколения. Вывод истинного ученого показывает, насколько можно радоваться последним устремлениям китайских Обществ. Вместо холодного затворничества, мы видим в словах его широкий доброжелательный призыв к сотрудничеству. Приятно видеть, как древние храмы и прекрасные, тончайшие создания творчества не оторвутся, как нечто далекое, но послужат основой нового живого сотрудничества.

3 февраля 1935 г.

Пекин.

Теснины

Некий писатель рассказывал, как трудно ему было закончить одну свою книгу, в которой он не желал кого-либо обидеть. Так как книга касалась общечеловеческих вопросов, то, естественно, автору хотелось возбудить внимание без враждебности и ненужных обид. Вот из этих самых добрых желаний и возникли необычайные теснины. Писатель попал в такие непроходимые ущелья, что должен был страница за страницей отсекал ценный накопленный материал.

Сперва писатель проверил свои соображения расово – пришлось очень многое вычеркнуть. Затем произошла проверка классовая. И она унесла много страниц. После того пришлось пересмотреть и в отношении профессий. И здесь понадобилось изъять кое-что существенное. Затем остаток писаний был проверен с точки зрения возрастов, религий, обычаев, и опять целые части книги были отложены. Наконец, пришлось вспомнить и об условиях образования, о школьных вопросах, общественных организациях, о спорте, об отношении к искусствам, ко всему, что понимается под словом культура. Пришлось изъять из остатков книги почти все, что могло бы вообще вызвать к ней интерес.

Тогда огорченный автор попробовал прочесть сам себе оставшийся отшлифованный голыш и ужаснулся, не допуская мысли, что он мог написать подобную плоскую пошлость. Затем злополучный автор начал думать, кому он угодил, лишив свой труд даже примитивного значения и интереса? Тогда началась любопытная обратная перестановка. Автор начал мысленно призывать читателей оставшихся осколков книги, всевозможных профессионалов и, с обратной точки зрения, не нашел нигде будущего сочувствующего читателя. Наконец, вспомнив, что обломки книги должны представлять нечто бесспорно благонамеренное, автор представил себе свою книгу в руках полицейского. Но и тут был глубоко разочарован, поняв, что и в этом случае он не представил из своего благонамеренного труда никакого интереса.

И так, в обратном порядке, автор начал постепенно включать все, что могло бы возбудить внимание разнообразных читателей, и книга его опять выросла почти до первоначальных пределов.

Таким образом, те самые теснины, которые только что казались ужасными и непроходимыми, вдруг обратились в ту широкую площадь, на которой сошлись люди разных возрастов, всех народов и положений. Наконец, автор отправился к своему житейски умудренному приятелю с трагическим вопросом, как же поступить ему, чтобы возбудить человеческое сознание и заставить помыслить? Приятель его от души посмеялся над такой дилеммой и сказал:

«Хотел бы я видеть Ману или любого Законодателя, если бы Он, хотя на минуту, остановился, чтобы не обидеть кого-то. Во-первых, ему пришлось бы не огорчить всех разнообразных преступников. Заветы Его превратились бы в какое-то воровское наставление, а чтобы и порадовать кого-то – Он должен был бы прослоить свои наставления плоскими анекдотами. Если же хочешь действительно затронуть человеческое сознание, то помни, что предлагать нечто, и без того там вросшее, было бы не только нелепо, но даже безнравственно. А если бы, по несчастью, книга твоя вызвала лишь всякие похвалы, это было бы для тебя убийственным знаком».

Сколько призрачных теснин настроено. Иногда миражи бывают настолько четки, что даже трудно установить начало их образования. Вообще всякое зарождение совершенно недоступно человеческим земным законам. В конце концов, и истинный момент умирания так же точно вне возможности установления. Можно в земных мерах лишь предполагать о сроках зарождений и отмираний. В таких условиях особенно замечательны решения от про-

тивного. Так называемая тактика Адверза особенно часто помогает в неразрешимых проблемах.

Если бы наш писатель не начал мысленно, чтобы угодить всяким условиям, отсекая от своего труда самые нужные части, и если бы не сделал это в полной силе, то он и не пришел бы к очевидности о нецелесообразности своих действий. Если бы писатель подумал частично, как ему угодить только определенному лицу, то он не пришел бы к очевидности во всей ее поразительной доказательности. Но он хотел улыбнуться решительно всем, и потому вместо улыбки получилась кислейшая и пошлейшая гримаса. В своей прокислой угодливости писатель достиг как раз обратного результата. Даже полицейский на углу улицы и тот бы обиделся уже по-своему. Когда же писатель вообразил себе все существующие или миражные теснины, то он понял, что этим ущельем уже не пройти, и оно приведет только к гибели. Он полностью дошел до решения от противного. И это полное решение показало ему всю нецелесообразность его опасений.

Итак, когда теснин слишком много и все стены ущелий уже сближаются настолько, что через них можно переходить, то вместо тесноты неожиданно получается широчайшее нагорье, и то самое, что, казалось, мешало, послужило лишь ступенями к широким просторам.

8 января 1935 г.

Пекин.

Следы мысли

Газета сообщает:

«Двум профессорам Кембриджского Университета удалось произвести кинематографический снимок человеческой мысли. Это профессор физиологии Адриан, один из видных членов Королевского Ученого Общества, и проф. Метиус. Адриан, посвятивший всю свою жизнь изучению тайн нервной системы, – в 1932 г. он получил премию Нобеля, а всего несколько дней назад был награжден золотой медалью Королевского Ученого Общества».

«Когда человек сидит спокойно в кресле с закрытыми глазами и мысль его не занята ничем серьезным, тогда его мозговое вещество производит регулярные электрические разряды со скоростью приблизительно десяти разрядов в секунду. При помощи весьма сложных и хитроумных аппаратов и фотоэлектрической камеры проф. Адриану удалось зарегистрировать на кинематографической пленке эти разряды. Он же обнаружил, что лишь только его пациент откроет глаза и начнет сосредоточивать на чем-либо свое внимание, как частота электрических разрядов значительно возрастает и обычно достигает 2000 в секунду».

«Ритмические импульсы продолжают и во время глубокого сна, а равным образом, когда человек (или животное) находится под наркозом. Профессор экспериментальным путем установил тождество колебаний у разных лиц при виде одного и того же предмета или явления. Разные мысли, возникающие в зависимости от зрительных нервов, дают разные изображения на пленке».

«Свои опыты проф. Адриан главным образом сосредоточил на той области человеческого мозга, которая ведает зрением. Он установил, что эта область поразительно мала. Да и вообще проф. Адриану удалось при помощи его аппаратов доказать, что большая часть человеческого мозга совершенно не участвует ни в каком умственном процессе».

«Свои опыты проф. Адриан довел уже до такой степени совершенства, что он легко теперь превращает фотографический снимок мысли в звуковой и может передавать его во всеуслышание по радио. Во время публичной демонстрации аудитория слышала самые различные звуки в зависимости от того, что появилось перед глазами пациента, сидевшего на эстраде и открывавшего глаза лишь по указаниям профессора».

Итак, нечто вполне естественное и, может быть, давно известное запечатлевается уже и грубыми механическими аппаратами. Задолго до этих механических начертаний замечательный ученый Индии сэра Джагадис Боше в таких же путях исследования запечатлел пульс растений, выявил даже для случайного глаза, как реагируют растения на боль, на свет, как отмечается в пульсе его появление даже малейшего удаленного облачка. В полной графичности на стене отмечалась вся судорога смерти растения, отравленного или пронзенного. Тут же отмечалось и воздействие человеческой энергии на жизнь тех самых растений, которые

еще недавно даже в глазах цивилизованных людей были лишь низшими, мертвыми отростками.

В движении иглы, отмечающей пульс растения, можно наблюдать и воздействие человеческой энергии мысли. Мысль добрая, мысль сочувствия могла ограждать растение от действий яда. Так же точно мысль злобная усилит смертельное воздействие. Если бы поскорей, как можно скорей, даже в непросвещенных массах человечества зародилось сознание о значении и мощи мысли! Смешно и унижительно подвергать высокие наблюдения над мыслью действию грубых механических аппаратов. Но для сознания грубого нужны такие же меры воздействия. Одно осознание значения мысли уже значительно преобразит земное существование.

В области телевидения чисто внешне механически происходят крупные усовершенствования. Только что было сообщено, что даже в течение наступившего года эта передача зримости на расстоянии получит новые возможности. Вполне вероятно, ибо раз произошло вступление в этом направлении, то следствия, несомненно, будут накапливаться в кратчайшие сроки. Постепенно и на телевидении будет наблюдено отражение качества мысли, если это касалось человеческих изображений.

Даже некоторые наблюдательные фотографы отмечают, что разница в снимках зависит не только от чисто внешних условий, но и от каких-то внутренних состояний объекта. И в этом случае мы так же точно подходим к рассуждению об отражении мысли.

Рассуждения о гипнотизме и внушении, т. е. о тренированных способах воздействия, уже становятся общим местом. Но ограниченное сознание все-таки слабо допускает, что не только в тренированных мысленных воздействиях, но решительно во всем, при более или менее ясном мышлении, происходят мощные воздействия на окружающее.

Это соображение еще раз напомнит и об идее ответственности, о которой мы имели и в недавнем прошлом несколько напоминаний. Какая величавая красота заключается в идее ответственности и служении. И нет такой точки в мире, где бы человек не подлежал этим двум высоким назначениям.

Когда мы вызываем из пространства слова и звуки, разве не идут с ними и все сопровождающие свойства энергии мысли? На огромнейших расстояниях ясно звучит человеческий голос, посланный мыслью.

Несомненно, через все эти огромные пространства вместе со внешним звуком протягиваются и внутренние струны мощнейшей энергии. Кто-то их почувствует очень ясно, кто-то даже, и чувствуя их, будет пытаться отрицать. В таком отрицании опять же будет значительный элемент страха. Ведь боязливое сознание содрогается от одного намека, что оно окружено какими-то энергиями, воздействиями. Именно то, что, казалось бы, должно окрылять людей, то самое повергает слабовольных в ужас. Именно в ужас, который является следствием чего-то неопределенного, хаотического. Но ужасом не спастись от хаоса. Ужас и есть врата к нему.

Прекрасно, облекшись во все мужество, признать величие мысли и всех приводимых ею в действие энергий. Хотя бы мерами механическими все же пусть спешно подходят люди к мысли о мысли, во всем ее мощном значении. И вместо хаотического ужаса многие, казалось бы, такие несложные проблемы жизни просветлятся от одного осознания всех возможностей мысли. Недаром говорится: «Совершай не только телом, но и мыслью».

Разве не увлекательно: «мыслить в Беспредельности»?!

12 января 1935 г.

Пекин.

Болезнь клеветы

– Врач, если во мне образовались привычки, трудно ли превозмочь их?

– Полагаю, это вполне достижимо, если вы приложите всю волю. Пословица говорит: «Ничего нет трудного в этом мире, кроме страха неискренного сердца». Так заповедует китайская госпитальная книга.

Знаменательно видеть, что даже современная госпитальная книга заканчивается на таком мудром изречении. Истинно, изгоните страх и неискренность, и сердце ваше восстановится. Сколько опаснейших болезней порождены невежеством и его исчадьями: страхом, завистью, корыстью и злобою. От них происходит и ползучая ехидна – клевета.

Клевета есть передача лжи. Все равно, будет ли ложь передаваема по легкомыслию, или по злобности, или по невежественности – семя ее будет одинаково вредоносно. Опять вспоминаю замечательный ответ Куинджи, который сам так не терпел всякую ложь. Куинджи находился в плохих отношениях с Дягилевым. Один художник, зная это и, вероятно, предполагая, что Куинджи понравится дурное сведение о Дягилеве, рассказал какую-то мерзкую сплетню. Куинджи слушал, слушал и затем прервал рассказчика громовым восклицанием: «Вы клеветник!» Передатчик сплетен, потерпев такое неожиданное для него поражение, пытался оправдаться тем, что не он сочинил эту сплетню, но он лишь передал ее, даже «без умысла, только для сведения». Но Куинджи был неумолим, он продолжал сурово смотреть на злосчастного передатчика и повторял: «Вы принесли эту гадость мне, значит, вы и есть клеветник».

Сколько таких самооправдывающихся клеветников нарушают строительную атмосферу. Они разбрасывают самые ядовитые зерна и пытаются прикрывать какой-то своей непричастностью. Они-де и не думали о каких-либо последствиях. Они-де сообщали лишь для сведения, точно бы каждая клевета или ложь не сообщается именно «для сведения».

Недостаточно говорится о том, что клевета, ложь – безобразны. Не указывается, что этими осколками тьмы загромождаются и отравляются пространства. Вот уже, казалось бы, достаточно знают о том, насколько гнев и раздражение отравляют организм, но ведь и каждый лжец и клеветник в какой-либо степени погружается в ядовитую ненависть и прежде всего отравляет и самого себя. Ненависть живет и около зависти, и около невежества, и около той испорченности мыслительного аппарата, излечение от которой очень трудно.

Ребенок может быть нелюдимым, своеобразным, подозрительным, но он не рождается ненавидящим, это темное свойство уже приобретается на многих примерах старших.

«Клеветайте, клеветайте, всегда что-нибудь останется». Какая в этом заключена забота, чтобы что-то злобное осталось. Таким образом, некоторые люди более заботятся о сохранении чего-то злобного, нежели доброго. Доброе в какой-то степени всегда будет заключать отсутствие самости, но злое, прежде всего, эгоистично. И если человек станет уверять, что он совершил нечто злое для добра, не верьте ему, наверное, он этим хотел защитить и свою самость или эгоистично перед кем-то выслужиться! Сколько раз приходится изумляться, насколько слабы законы, карающие клевету! В некоторых странах преследование клеветы даже почти невозможно. Можно убеждаться лишь в том, что не законами, карающими уже совершенную клевету, но именно предупреждающими мерами можно значительно ослабить эту вредную ехидну. Это можно достичь и в школе, но еще больше это произойдет в семье. Исключите из семейного быта маленькие сплетни и вы спасете младшее поколение от творения большой клеветы. Если ребенок от раннего возраста не будет слышать в быту взаимных осуждений и всех зародышей сплетен и клеветы, он, попросту говоря, будет далек от этого времяпрепровождения. Если дома нет карточной игры, то первые основы характера сложатся и без надобности такого убийства ценнейшего времени. От самих старших зави-

сит очень многое в будущем семейном строении. Может быть, именно сейчас приходится вспоминать о потомственных возможностях семьи, ибо очень часто вместо привлекающего начала в семьях творится начало отталкивающее. А там, где одно отталкивание, там за отсутствием тяготения уже есть начало хаоса.

Сплетни и клевета, какая это мерзость!

Много эпидемий существует. Постепенно выясняется, что не только общепринятые бичи, как чума, холера и прочие заразные болезни, но и постепенно выясняется заразительность многих других заболеваний. А вдруг клевета тоже представляет собою явление заразное и к тому же эпидемическое? Мало ли есть форм психоза очень заразительных. В истории постоянно упоминается о массовом психозе, который временами принимал прямо угрожающие размеры.

Если рассмотреть очаги клеветы, то, несомненно, будет замечено, что в чистой, достойной, в культурной атмосфере клевета не порождается. Проследите домашнюю и общественную атмосферу заведомых клеветников и вы обнаружите настоящие очаги этого вредного психоза. Да и всякая ложь не везде произносится. Существуют такие места на свете и такие люди, в присутствии которых клеветник и лжец чувствует себя настолько неудобно, что не дерзнет на свое излюбленное злоизвержение. Но там, где клевета произносится особенно легко, там ищите как бы нажитость клеветы. Бациллы клеветы там чувствуют себя особенно усиленными всем окружающим.

Не будем изумляться, если среди работ по психическим заболеваниям появятся настоящие врачебные трактаты о клевете, о причинах ее зарождения, о способах распространения и, будем надеяться, о мерах пресечения.

Ясно одно, если жизнь нуждается в обновленно-прочных устоях, то прежде всего всякие губительные эпидемии должны быть одолены. Среди этих бичей человечества будет обращено внимание на многообразные формы психоза. Излечивая пьяниц, наркоманов, воров и всяких преступников половых извращений, наверное, подойдут и к излечению одного из мерзейших извращений, а именно порока клеветы.

При этом будет замечено, насколько различные извращения проявляются одновременно. Если вы будете наблюдать клеветника и заведомого лжеца, вы найдете, что и остальная его жизнь нечистая. Наверное, он будет подвержен и еще каким-то порокам. В будущих государственных лечебницах, наряду с палатами для наркоманов, пьяниц, воров и прочих порочных элементов, будет одною из самых опасно-заразительных отделений палата клеветников.

Старое английское законодательство именно для клеветников оставляет порку. Впрочем, предоставим психиатрам решать, какая именно мера воздействия более уместна при таком опасном и мерзостном заболевании.

Когда вы знакомитесь с Пастеровским Институтом, наверное, вам будет предложено не задерживаться в одной из лабораторий. Вас предупредят: «Здесь особо опасные бактерии». В будущих психиатрических лечебницах посетителям предложат поскорее выйти из некоей палаты, скажут: «Бактерии клеветы очень заразительны».

14 января 1935 г.

Пекин.

Иран

С марта месяца исчезнет Персия. Будет – Иран. Издалека трудно судить об истинных причинах переименования. Иногда они начинают казаться эпидемическими, – так многое переименовывается и в географическом и социальном плане.

От старых мест люди переходят на новые, как бы в великих переселениях. Может быть, ищут, где крови меньше пролито? Или вспоминают о каких-то древних путях? Или, устремляясь в будущее, прежде всего хотят движения.

Не знаем, почему вместо Персия – Иран? Не знаем, почему именно с марта? Но обращение к знаменательному древнему имени звучит потенциально, в нем много размаха, воспоминаний, мечты. От души пожелаем Ирану все то, что зовет нас в этот древнем созвучии. Пожелаем так мужественному шаху Ирана Реза Хан Пехлеви.

Может быть, уже не всегда звучит старая песнь? Живописная одежда уже ушла из высших классов и уже начинает покидать и народ. Но само могучее слово Иран, не напомним ли оно о многом прекрасном, достойном сохранения вне преходящих веков; не напомним ли о двух с половиной тысячелетней истории, во время волн которой государство удержалось, а теперь с особой ясностью мыслит о самосознании.

Разве не прекрасна «Книга Царей», созданная мощью великого поэта, выразившего иранское самосознание?! Исконная борьба Света и тьмы; этот прообраз участия человека в умножении добра и зла запечатлелся в символике Ирана. И теперь, когда страна хочет в имени своем напомнить о славе, и силе, и глубине мысли, можно считать такую замену показателем внутреннего роста.

Сколько величайших страниц вписано в историю Ирана! Вспомним имена сатрапий: Мидия, Элам, Парфия, Харайва, Бактрия, Сугд, Хоразм, Дрангиана, Арахозия, Таттагуш, Синд, Египет, Армения, Каппадокия, Спарда, Иония, Скудра, Кушья, Машья, Каркас! Одни названия уже великая сказка! Кто не мечтал о Пасаргадах, о Вавилоне, о Сузах, об Экбатане, о Персеполисе? Чье воображение не очаровывали великие рельефы на скалах, огромные изображения, соорудившие и прославлявшие входы исчезнувших дворцов? Даже эти дошедшие до нас обломки, даже осколки плит пола; даже обломки ничтожных пышных ожерелий – все это говорит о восхищающем и вдохновляющем размахе и качестве творчества.

Хорсабад живо напоминает о Саргоне, со всеми мифами, сплетенными вокруг него, а прекрасные барельефы дают зримое представление о былом величии. А Нимруд с остатками дворца Ассурназирпала. А Куянджик, и дворец Минахериба и развалины палат Тиглатпалассара в Калат Пергате! А знаменитые балватские врата с рельефами подвигов Салманассара? А великолепные диоритовые статуи, сосуды и бронзы вавилонские? А дворец Артаксеркса? Наконец, придворное книгохранилище Ассурбанипала – сокровище неисчерпаемое, оживотворяет миражи древности в величественную действительность. Восстало все в тех же местах, еще в прошлом столетии застывших мертвыми холмами. Еще совсем недавно столько великих свитков летописи человечества не были развернуты. На нашем веку были найдены вавилонские сказания о потопе и другие части эпоса Гильгамеша. Все это всколыхнется одним словом Иран и окрылит новые мысли. Аэриана! Иран! Иран!

И Зороастр – огонь принесший, и Мани, и бахаисты, и живая мессианская тайна великого Имама, разве не увлекают воображение? Старец гор! Скала Аламут, увенчанная замком! И книга Достоверности. И белоснежный Дэмавеид! А по цветущим лугам уже выступает Абул-Али-ибн-Сина, знаменитый философ и врач, которого Запад зовет Авиценна; труды его с великим вниманием сейчас издаются в Европе.

От тех же цветущих лугов незабываемы ковры исфаганские и артабильские. Никто не забудет художников Ирана: Бихзаада, Аббазы, ага Ризу, Мирака, Мухамади из Герата со

всеми его волшебными перетолкованиями Шахнаме, со всею эпопеей Искандера, с любимыми образами короля Бахрада и Азады. Тоже как целый несчетный цветочный луг!

И не живут ли и посейчас певучие образы и мысли поэтов: Рудаки, Фирдоуси, Анвари, Котрам, Омаркаяма, Сади, Руми, Хафиза... сонеты, оды, элегии, поэмы, в которых излюбленные народные герои произносят незабвенные слова мужества, подвига, преданности и любви.

Сколько проникающих в сердце образов запечатлено в истории Ирана! Кто не помнит о долине Ширази, о розах ширазских. Хафиз поет о Ширазе:

«Прекрасна Шираз, бесподобна она!

О! Бог сохранит ее навсегда».

15 января 1935 г.

Пекин.

Ценность прекрасного

«Искусство не разрушение. В искусстве таятся семена создания, а не разрушение. Это чувствовалось всегда, даже и в те времена, когда все было невежественно. Под звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сих пор понятие общества об искусстве, все, однако же, говорят: „Искусство есть примирение с жизнью“. Это правда. Истинное создание искусства имеет в себе что-то успокоивающее и примирительное».

«Искусство есть примирение с жизнью».

«Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущения и расстройств».

Так, почти сто лет тому назад, переговариваются великие люди русской литературы Гоголь и Жуковский. Оба корреспондента отличались необыкновенно широкою оценкой искусства, и потому приведенные слова имеют неувядающее значение. Стоит только вспомнить, как оба эти великие писатели прекрасно высказывались в оценках разных областей искусства. Именно из ширины мысли, именно испытанный кругозор может давать заключения добрые, убедительные.

В сочинениях и в письмах этих писателей можно находить самые трогательные описания прекрасных творений, как древних, так и современных им. Всегда можно радоваться, когда в любой стране, в любом народе древность и современность испытываются с одинаковой бережностью. Тот, кто отнесся бы спесиво к прошлому, выказал бы себя лишь невеждой. Так же точно показал бы себя и тот, кто невнимательно отнесся бы к исканиям своего времени.

Действительно, невозможно наглухо запереться лишь в дедовском кабинете. Но с каким сожалением вы посмотрели бы на профана, который бы оскорбительно отозвался о любовных и внимательных собраниях, принесенных из прекрасных веков прошедших.

Именно в беспредельном искусстве можно производить лучшие наблюдения над состоянием человеческих сознаний. Изысканность сознания прежде всего отзвучит на той или иной области искусства. Даже и в других, казалось бы, удаленных от творчества, предметах широкое сознание уловит элемент подлинного творчества. Ведь, в конце концов, искусство беспредельно, и творчество, опознанное или тайное, законченное или незаконченное, проникает всюду.

Именно творчество обеспечивает и высокое качество каждой продукции. Сегодня в газетах смеются над тем обстоятельством, что в Пизе рухнул новый мост, а старый, построенный шесть веков тому назад, еще стоит невредимо. О такой же прочности старотурецких мостов, противостоявших даже новейшим снарядам, мне рассказывали недавно. В прошлом землетрясении в Индии и Неаполе новейшие постройки пострадали очень сильно, тогда как древние храмы удержались.

Можно приводить множество примеров торжества старого высокого качества в разнообразном старом творчестве. Мы вспоминаем, с какою легкостью сходят позднейшие краски со старинных, вновь записанных, картин. И не только в разновременности дело, но сущность в исчезновении качества многих производств. Не будем заглядывать, что сохранит будущее от современных произведений. Сейчас хочется еще раз отметить, что из древности мы получили много подтверждений тому, насколько прекрасно бывает сочетание качества и творчества. Что же худого в том, что качество позволило великому творчеству прожить долгие века? Мы благодарим старых мастеров за то, что их способы работы устояли так долго и принесли так многим людям радость и новое вдохновение. Когда же вы мыслите о путях охранения культурных ценностей, то вы встречаетесь особенно часто и близко с соображе-

ниями о качестве. Изучая старинные качества, нам легче думать и о современных строениях, которые устояли бы от многих превратностей.

14 января «Пекинская Хроника» сообщила, что комиссия о восстановлении старинных сокровищ в Пекине, которая была образована на прошлой неделе, сейчас планирует поправление всех художественных памятников в старинной столице. Понимаем, что комиссия предполагает настоящие реставрационные работы через два месяца, когда получатся средства. Средства обещаны министерством финансов и министерством железных дорог и должны поступать регулярно, начиная с текущего месяца.

Такому сведению надо от души порадоваться. Когда мы слышали недавно о готовности китайского правительства ратифицировать наш Пакт по сохранению культурных ценностей, мы так же порадовались. Китай, обладающий таким несметным множеством художественных сокровищ, конечно, будет одним из первых в действительном признании Пакта и в проведении его в жизнь у себя. Культура Китая сложила такие необыкновенно изысканные формы и пластические и философские, что, конечно, наследники таких сокровищ одни из первых должны примкнуть к государствам, уже ратифицировавшим наш Пакт. Совершенно правильно, что реставрационные средства пойдут из министерств финансов и путей сообщения. Ведь памятники древности во всем их очаровании будут лучшими устоями государств. Ради красоты их усилится движение на путях, ради них министр финансов найдет особо убедительные определения в своих заключениях. Ведь, без преувеличения, сокровища культуры являются оплотом народа. Все строительство, все просвещение, все духовное вдохновение, вся радость и спасение нарождаются на основах культурных ценностей! Сперва опознаем и сэкономим культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными. По бесчисленным путям сообщения устремится творчество во всем его благородном разнообразии.

Также не будет преувеличением, если скажем, что язык искусства уже много раз в истории человечества являлся наиболее убедительным, привлекательным и объединяющим. Не только имена Аполлония, Рубенса и многих других запечатлены в государственных построениях, сказанных языком искусства. Сами предметы искусства много раз являлись лучшими посланниками, внося с собою мир и дружелюбие. Нам уже приходилось отмечать, как обмен художественными ценностями иногда избавлял от недоразумений и опережал словесные договоры. Если мир, по словам Платона, управляется идеями, то благородные зерна искусства всегда будут тем благостным посевом, который даст лучшую, добром поминаемую жатву. Потому-то не будет чем-то условно преднамеренным, когда будет утверждаться широкое значение искусства и подлинная ценность прекрасного. Итак, будем ценить, будем хранить все прекрасное с сердечною заботливостью.

Для упрочения нашего Пакта сохранения культурных сокровищ прежде всего пришлось ознакомиться и с историей возникновения Красного Креста. Основоположник этой благородной идеи, знаменитый швейцарский филантроп Дюнан и его самоотверженные друзья в течение 17 лет неустанно стучались в сердце человеческое, чтобы рассказать о неотложности такого гуманитарного учреждения. Многим следовало бы запомнить многострадальную историю Красного Креста. Так разрушаются эти великие ценности не только во время войн, но и во время всевозможных проявлений человеческого невежества. Одно охранение ценностей культуры пробудит многие заснувшие пути творчества, и целые государства опять вспомнят, в чем их непоколебимость и непобедимое достоинство и ценность.

*16 января 1935 г.
Пекин.*

Флора

Кто не знает Святых Флора и Лавра, так красиво изображаемых в зеленых пущах с белыми конями? Известно, как почитают этих Святых русские крестьяне за их попечение о конях, о коровах и о прочем домашнем имении.

Рассказывается, как некий губернатор, любитель ботаники, пожелал ознакомиться с флорой вверенной ему губернии и приказал представить ему все образцы ее. Приказ попал в руки местных полицейских чинов и произвел переполох немалый.

Что бы такое было «флора»? Чем таким обеспокоился начальник! Недоумение росло, пока, наконец, дьячок не надоумил, что, должно быть, губернатору потребовались все Флоры. Так и решили. Собрали всех Флоров, а кстати и всех Лавров, ибо Святые эти изображаются вместе, да и отправили недоуменных и огорченных мужичков в губернию к еще более недоуменному сановнику – ботанику.

Мало в каких других областях столько анекдотов, как около народной медицины и ботаники. Трудно поверить, чтобы каждая травка была на пользу. Даже очень рассудительные люди внутренне недоумевают, когда им рассказывают, что тот самый репейник, который они только что уничтожили, является благотворным лекарством, или, что морковь или земляника, искони потребные для стола, могут быть полезны в очень серьезных случаях.

Все помнят обратный анекдот, когда губернатор запросил местные власти о кустарных промыслах. Местный исправник доносил, что кусты действительно имеются, но какое употребление из них делают крестьяне ему неизвестно, ибо иногда глупый народ лечится всякими растениями. И в этом случае народ заподозривался в глупости, ибо лечился растениями.

Как и во всем, малознающая середина готова отвергать и отрицать. В то время, когда уже просвещенные верхи очень бережливо относятся к каждому народному преданию и вполне оценили значение фольклора, и найдут лучший язык с оставшимися носителями этой народной мудрости, тогда же будут существовать и зубры, иногда даже модернизированные, выросшие лишь на отрицании.

По счастью, знакомясь с народами, вы видите, как нередко еще осталась трогательная чуткость, которая живет, как наследие многих веков.

Вчера приходили старые буряты. Принесли они единственный сохранившийся экземпляр бурятского словаря, который является необходимым и в смысле медицинском. Надо было видеть, как трогательно они хотят переиздать тот ксилограф. Говорят: «Ведь без этой книги молодым не на чем учиться, здесь столько полезных сведений». Так в далеких юртах заботятся о знании. Там ничего не имеют против новейших форм совершенности, но в то же время со всею сердечною преданностью берегут остатки старых знаний. Пусть из этих знаний не все приложимы сейчас, но для каждого полезного растения вы должны пройти весь луг, чтобы убедиться, где, что и как существует.

Наверное, врач, вновь открывший целебное свойство эфедры от астмы, не только о ней прочел в старых китайских фармакопеях. Конечно, он изучал очень многое для того, чтобы во благо человечества вновь воспользоваться лишь некоторыми. Записываю это и повторяю упорно, ибо все-таки существует такое заблуждение, что в старинной мудрости нужно изучать лишь кое-что, ибо остальное неприменимо. Но как же вы найдете это «кое-что», если не ознакомитесь со всем?

В некоторых новых школах предполагается исключить изучение классиков. Как много прекрасного, вдохновительного и вечно руководящего будет исключено таким запрещением. И какой это будет ужас, если всюду и во всем воцарится ограниченный техникум со всеми ужасами условной специализации.

Именно теперь, когда всевозможные новые открытия говорят о расширении горизонта, именно теперь так несовременно все еще думать об иллюзиях технократии с ее специализациями. Тогда, когда даже малыши познают соотношения макро– и микрокосма, тогда, казалось бы, совестно устремляться к какому-то заведомому самоослеплению. Человек, сказавший себе: я не хочу знать ничего, кроме винта, перед которым я случайно оказался, – в каком же истинном строительстве может существовать такое самоограничение? Тот, кто во многом приложился, тот оценит и высокое качество каждой части.

Когда-то произносили безумные формулы о мечтании уравнивать все человеческие мозги. Какой жестокий, тиранический дух мог подсказать такое насилие? Вообще, условие жестокости должно быть очень пересмотрено. Это чудовище гнездится в более многочисленных ущельях, нежели предполагается. Самая опасная жестокость, как ужасная форма невежества, живет не в каких-то судах или около тронов и кафедр, нет, она притаилась во множайших очагах семейной и общественной жизни. Она является одним из самых пресекающих все живое начало. И там, где притаился элемент жестокости, там стеснено и всякое познание. Ведь истинное познание не для самости, оно, конечно, прежде всего самоотверженно. В этом самоотвержении и красота, и величие, и беспредельность!

Разные травы внимательно собирал благой Чарака; ему посвящена картина в Бенаресе.

«Каждая малейшая травка – на пользу».

«Всяк злак – на пользу человеков».

17 января 1935 г.

Пекин.

Гималаи

Вот и французская экспедиция идет воздать честь Гималаям. Со всех сторон разные народы устремляются все к тем же высотам. Получается уже какое-то шествие за пределами состязания.

Если бы кто-нибудь задался целью исторически просмотреть всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад просмотреть всю притягательную силу этих высот, то, действительно, можно понять, почему Гималаи имеют прозвище «несравненных». Сколько незапамятных Знаков соединено с этой горной страной! Даже в самые темные времена средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великанами.

Попробуем мысленно сообразить все те прекраснейшие легенды, которые могли зародиться только на Гималаях. При этом прежде всего будем поражены изумительным разнообразием этих наследий. Правда, это богатство произойдет от многих племенных наслоений, станет роскошнее от щедрости многих тысячелетий, увенчается подвигами лучших искателей истины. Все это так. Но и для этих вершинных подвигов требуется окружающее величие, а что же может быть величественнее, нежели непревзойденные горы со всеми их несказанными сияниями, со всем неизреченным многообразием.

Даже скудно и убого было пытаться сопоставить Гималаи с прочими, лучшими нагорьями земного шара. Анды, Кавказ, Альпы, Алтай – все прекраснейшие высоты покажутся лишь отдельными вершинами, когда вы мысленно представите себе всю пышную, нагорную страну Гималайскую.

Чего только не вместила в себе эта разнообразная красота. Тропические подходы и луга альпийские и, наконец, все неисчислимые ледники, насыщенные метеорною пылью. Никто не скажет, что Гималаи это теснины, никому не придет в голову указать, что это мрачные врата, никто не произнесет, вспоминая о Гималаях, слово однообразие. Поистине, целая часть людского словаря будет оставлена, когда вы войдете в царство снегов гималайских. И будет забыта именно мрачная и скучная часть словаря.

Чем-то зовущим, неукротимо влекущим наполняется дух человеческий, когда он, преодолевая все трудности, всходит к этим вершинам. И сами трудности, порою очень опасные, становятся лишь нужнейшими и желаннейшими ступенями, делаются только преодолениями земных условностей. Все опасные бамбуковые переходы через гремящие горные потоки, все скользкие ступени вековых ледников над гибельными пропастями, все неизбежные спуски перед следующими подъемами и вихрь, и голод, и холод, и жар преодолеваются там, где полна чаша находжений.

Не из спесивости и чванства столько путешественников, искателей устремлялись и вдохновлялись Гималаями. Только соперничество и состязание могло найти и другие труднейшие пики. Далеко поверх состязаний и соперничества заложено устремление к мировым магнитам, к тому неизреченному священному чаянию, в котором родятся герои.

Не только лавровые венки состязаний, не только приходящие первые страницы книг и газет, но тяготение к величию, которое питает дух, всегда будет истинным притяжением, и в таком влечении ничего не будет худого.

Что же, это еще одна похвала Гималаям?

Разве их торжественное величие в похвалах нуждается?

Конечно, здесь неуместны похвалы, и каждая из них, даже самая превосходная, будет лишь умалением. Тогда зачем же вспоминаются Гималаи, зачем же нужно о них мыслить, вспоминать и к ним устремляться?!

Хотя бы мысленное приобщение к торжественному величию будет лучшим укрепляющим средством. Ведь все по-своему стремится к прекрасному. О прекрасном по-своему мыслит каждый и непременно захочет так или иначе сказать о нем. Мысль о прекрасном настолько мощна и растуща, что человек не вместит ее молчаливо, а непременно захочет, хоть в каких-либо словах, поведать ее. Хоть в какой-нибудь песне или в каком-либо начертании человек должен выразить и запечатлеть мысль о прекрасном.

От малейшего цветка, от крыла бабочки, от сверкания кристалла и так дальше и выше, через прекрасные человеческие образы, через таинственное касание надземное человек хочет утвердиться на незыблемо прекрасном. Если были на Земле прекрасные создания рук человеческих – к ним придет путник; успокоится под их сводами в сиянии их фресок и стекол. Если может путник найти зарево далеких горизонтов, он устремится и к ним. Наконец, если он узнает что где-то сверкают вершины наивысшие, он увлечется к ним и в одном этом стремлении он уже укрепитя, очистится и вдохновится для всех подвигов о добре, красоте, восхождении.

С особенным вниманием у костра и в любом человеческом собрании слушают путника. Не только в далеких хрониках читают об этом уважении к пришедшим издалека. Ведь и теперь при всех путях сообщения, когда мир уже кажется малым, когда люди стремятся в высшие слои или в глубины, к центру планеты, и тогда рассказ путника остается украшением каждого собрания.

«Правда ли, так прекрасны Гималаи?»

«Правда ли, они несравненны?»

Скажите нам хоть что-нибудь о Гималаях и бывает ли там необычное?!

В каждом повествовании путника люди ждут необычного. Обычай, привычка, неподвижность связанности, умаляет даже самое маломыслящее сердце. Даже поникнутый дух стремится к движению. И, в конце концов, никто не мыслит движения только книзу.

Помню, как один путник рассказал, что, начав спуск на большом каньоне Аризоны, даже при великолепных красках окружающих, все же оставалась тягость соображений о бесконечном спуске – «мы шли все вниз, и это даже мешало любованию».

Конечно, восторг и восхищение будут прежде всего связаны с восхождением. При восходе является непреодолимое желание заглянуть за возносящиеся перед вами высоты. Когда же вы идете вниз, то в каждой уходящей вершине звенит какое-то «прости». Потому-то так светло не только идти на вершину, но хотя бы мысленно следовать этим путям восходящим. Когда слышим о новых путниках на Гималаи, то уже признательны хотя бы за то, что опять напоминает о вершинах, о зовущем, о прекрасном, которое так нужно всегда.

Гималаи, разрешите еще раз послать Вам сердечное восхищение. Также, вся прекрасная Индия, позволь еще раз послать тебе привет за все то влекущее и вдохновляющее, которыми наполнены твои и луга, и рощи, и старинные города, и священные реки, и великие люди.

19 января 1935 г.

Пекин.

Каменный век

«Вещи и дела, аще не написании бывают, тьмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написании же яко одушевлении».

Так говорит старая летопись. И действительно, нужны отметки по всем периодам жизни человеческой. Такие отметки полезны не только для познания самого описываемого периода, но и для характеристики воззрений самих описателей.

От многих умозаключений эволюция познания заставляла исследователей отказываться. Ничего не только постыдного, но и вообще осуждаемого нет в этих отказах ради новых более широких и обоснованных заключений. Сама история постепенности воззрений и умозаключений уже есть исследование культуры человечества.

Мало ли было программ, подразделений и как бы очень точных вычислений, которые в свете новых достижений должны бы были быть пересмотрены и обновлены. Сколько старых несовершенных переводов, с мало тогда изученных языков, должны были быть преодолены вновь, чтобы восстановить невольное искажение истины.

Среди многих условных делений человеческой культуры нужно вспомнить и о недавно непреложном делении веков каменного, бронзового и железного. Старое деление доисторических времен на камень, бронзу и железо, хотя в продолжении прошлого столетия оказало неоценимые заслуги, позволяя упорядочить бывший научный хаос, сейчас часто показывает, насколько могут быть переменны и разные другие, еще более жизненно-бытовые соображения. Первоначальные деления оказываются слишком приблизительными и неразборчиво заходят друг на друга, недостаточно характеризую бытовое значение эпохи. Постепенное углубление изучений позволяет уже судить не только о том, с какими орудиями выходил человек в поле, но уже о том, для чего выходил и какие оказывались следствия его деяний? Кроме того, грань между культурой камня и металла до такой степени неопределенна, что прежде принятое деление требует новых классификаций.

Но если между камнем и металлом иногда так трудно судить правильно, то уже среди эпох камня часто угрожают самые сбивчивые показания. Геологические доказательства, кости, остатки гончарства – все это оправдывает далеко не всегда.

Не будем повторять многие анекдоты, рассказанные известными исследователями. Смещения разных земных слоев, пользование старинными инструментами, что случается очень часто даже и теперь, и, наконец, общечеловечность орнаментации, все это постоянно требует новых распределений. Не следует бояться трогать старые книжные полки. Не следует опасаться сблизать и сопоставлять предметы древности в новых сочетаниях. Когда мысль должна блуждать среди тысячелетий, а может быть, и в десятках их, то и сами ограничения или утверждения неминуемо будут относительны. Именно признав эту неизбежную относительность, исследователь не только не огорчится, но тем бодрее и радостнее поспешит вперед для новых обоснований.

Царство камня протянулось от неизреченной древности и до наших дней в буквальном смысле. Ведь в наши дни целые племена заняты обработкой каменных изделий, мыслят об их лучшем изготовлении и в этих уклонах думают и о многом так же, как их незапамятные праотцы. Правда, мы же когда-то утверждали, что древний человек каменного века не похож на теперешнего, вымирающего дикаря, хотя бы и стреляющего теми же каменными стрелами. От этого утверждения мы не отказываемся. Конечно, сущность доисторических жителей поражающе потенциальна, и мы видим блестящие порождения и достижения. Но в узкотехнических приемах многие наследия настолько предались однообразию, что не всегда исследователь отличит давние эпохи от более новых. Помню, как мне приходилось показывать предметы, несомненно неолитические, и даже такие крупные величины, как Мортилье,

Капитан и Ривьер де Прекур, были склонны относить их ко временам гораздо более древним. Так, между прочим, происходило и на Доисторическом Съезде в Перинге. Еще недавно приходилось читать о приблизительности Солютрейского типа, накопления которого оказывались в совершенно неожиданных местностях. Можно придумывать множество теорий, и все же они останутся предположениями.

Общественность жизненных заданий и украшений не позволяют делить их внешне условно. Каждому исследователю приходилось видеть обложки гончарства с такими заметками орнамента, что нелегко было судить, какого типа человек мыслит именно в этом прикосновении своих ногтей или примитивной палочки. Даже изображения на скалах и пещерах не имеют таких резких границ, как это иногда кажется.

Нам приходилось видеть рисунки на скалах от очень древних и до почти нам современных. Уже не говоря о сходственных ритуальных мотивах изображений, но и в самой технике оставалось много подобности. Конечно, древнейшие и самоновые были отличаемы сразу, но в срединных периодах, по правде говоря, различать совсем было нелегко.

Так же трудно восстанавливаема и реставрация древних жилищ. Без отепляющего элемента быта все кажется холодным и бездушным, даже когда вы идете улицею Помпеи или Остии, то, даже при такой сравнительно неглубокой древности, вы уже не чувствуете себя вполне погруженным во всю протекавшую там жизнь. Уже не будем говорить об остатках Египта и Среднеазиатских.

Вспоминаю наше собрание каменного века. Оно, наверно, уничтожено. Где-то за границей передавали, что ценное содержимое нескольких ящиков выброшено в канал. Везде ли так бывало? Пройдите с таким отрицанием по всем хранилищам и сокровищницам, многое ли переживет такие шаги? Кто-то, когда-то, нашедший груды каменных оружий, не будет ли изумляться смешанности типов?

А ведь собирались они именно с целью сопоставлений, сравнивалась техника американских и северных, и азиатских образцов. Даже во время любования Римом, Флоренцией и Вероной всюду не забывались и каменные изделия и привозились к их далеким собратиям. И Франция, и Бельгия, и Венгрия, отовсюду притекали образцы. Особенно поучительно было сопоставлять их с нашим неолитом, который дал образцы очень высокой техники. Все это рассеялось. Обидно то, что не только оно рассеялось, но навсегда перемешалось и никто более в этих сотнях тысяч образцов не разберется.

Вспоминаю о таком эпизоде не только с удивлением, что и в наше время нечто подобное возможно, но и для того, чтобы еще раз подумать о пределах относительности, с которыми во многих случаях приходится встречаться. Один помещик завещал похоронить себя в древнем кургане. Пройдет несколько сотен лет, и может возникнуть еще один археологический анекдот. И тем не менее, какая это живая, нужная для всех соображений наука – археология.

23 января 1935 г.

Пекин.

Помощь

Нужно ли помогать?

Так нужно, что и выразить нельзя. И мыслью, и советом, и делом, и всеми доступными прямыми и косвенными способами. Ведь главнейшая причина мирового кризиса заключается в отсутствии взаимной помощи. Между тем достаточно ясно установлено, что протекающий кризис не материального, а именно духовного значения. Конечно, существует много благотворительных обществ и всяких канцелярий, куда могут быть подаваемы заявления о помощи. Но сейчас имею в виду не только эту установленную помощь, но именно общечеловеческое желание взаимно споспешествовать. В таком общем желании и выражается истинный прогресс.

Сколько раз указывалось, что развитие путей сообщения, среди прочих своих назначений, главным образом, должно способствовать развитию дружелюбия, взаимной заботливости, иначе говоря – всей той многообразной взаимопомощи, которая является истинным украшением человечества.

Слишком часто слышатся голоса, что по причине жестокого всемирного кризиса разрушены многие богатства и тем пресечена возможность помощи. Эти голоса предполагают лишь одностороннюю денежную помощь. И если мы признаем, что деньги, как таковые, являются только единственным средством благосостояния, то и будет тем самым воздвигаться пресловутый золотой телец, против которого написаны многие отличные страницы мировой литературы. Каким ограниченным и поистине бедным представилось бы человечество, возымевшее уважение лишь к деньгам во всей их мишурной случайной ценности.

Эволюция требует действительных ценностей, из которых порождается и благосостояние, и для таких мировых коопераций нужна прежде всего наличность доброй взаимопомощи. Если бы нашлось достаточно сердечности и люди поделились бы между собою накоплением своего жизненного опыта, то какое богатство нового строительства могло бы возникнуть! Если бы только все зримые и незримые пути сообщения приносили с собою, вместо личного укрывательства, доброжелательную помощь, то во сколько бы благословеннее показались новые крылья человечества!

Сознательно и бессознательно в разных частях света думается то же самое. Если бы только включить в мировой ток, если даже не плохо достижимую любовь, то хотя бы доброжелательство взаимопомощи! Во многих странах учреждаются целые министерства туризма. Учреждаются всякие интеллектуальные кооперации и общества культурных сношений. Казалось бы, такие общества и предусматривают не только отвлеченное прохождение по музеям и университетам, но и основное стремление к помощи – к взаимознакомлению для блага, так нужного сейчас в мире. Не можем же представить себе, чтобы министерства туризма учреждались лишь для удовлетворения поверхностного любопытства или для успешной продажи железнодорожных билетов? Это было бы очень убого.

Умножаются всякие научные экспедиции, далеко проникают всевозможные торговые миссии. Бороздят воздух железные птицы и с вестями, а то и просто на скорость. Ведь с доброю целью накаплиются все эти знаки. Будем думать, что именно с доброй целью. Туризм – путешествие, есть действительно тот жизненный университет, который вдыхает в народы новые, обновленные возможности.

Следует сказать каждому путнику:

«Помогай на всем пути твоём. Помогай всеми твоими возможностями, всеми твоими знаниями и опытом. К тебе потянутся и словесно и мысленно многие сердца. Ты будешь для них не своим, ты будешь необычным, и к твоим советам прислушаются вдвойне». Такой совет путникам не будет отвлеченностью. Каждый, посещающий далекие страны, знает, как

у далеких очагов, костров, шатров, юрт и стен ждут рассказа дальнего странника. Это уважение к дальнему опыту свойственно во всех странах. В одном месте будут молитвенно слушать странника, в другом – любопытно. В третьем – корыстно. И все же всюду будут слушать внимательно.

Велика ответственность путника. Не очерстует его сердце, чтобы оттолкнуть просящих совета. Не подумает путник, что в силу какой-либо своей узкой профессии он может не иметь открытого глаза и жизненного опыта. Именно путник на каждом пути своим получает множество познаний самых разнообразных. Невозможно представить себе такую степень омертвелости, чтобы человек не знал ничего за пределами своего винтика. Чем ученее человек – тем он больше знает и тем жизненнее будут его советы. Истинно, знающий человек и не покусится на эти советы, ибо сердце его потребует от этих богатств на общую пользу.

Говорим всем путешественникам:

«От вас ждут многих полезных советов. Призовите все свои знания и не скупитесь на эту благую помощь. Ваши полезные советы будут ожидаемы в разных странах, и потому примените их к разным языкам и ко всяким пониманиям, но, главное, не скупитесь. Ваши дельные советы оценят глубоко и сердечно. Из них будет слагаться доброжелательное взаимопонимание между народами. Дельные советы путников отклонят многие несчастья, вызовут добрую самодеятельность, излечат отчаяние и призовут к здоровому строительству».

Не нужно думать, что такие большие задания творятся лишь на мировых конференциях. Много последствий величайшего значения творится на путях странников. Нам ведомо, что иногда черствое и недалновидное сердце может сказать: «Не надо помогать». Не долго просуществует тот, кто думает, что помогать не нужно. Ужасно погибнет, кто ради эгоизма запрещает помощь; а ведь такие есть. Только умственной отсталостью можно объяснить себе такой отказ помощи. Нужно быть очень ограниченным, чтобы из какой-то боязни запрещать помогать.

Казалось бы, всеми священными писаниями заповедано помогать безотносительно. Дано достаточно примеров, что случайные различия нуждающихся не должны служить преградами. Не привести ли опять эти общеизвестные притчи и записи. Не будем вновь цитировать то, что напечатано в мире в тысячах и миллионах. Будем думать, что лишь обрекающие сами себя на гибель будут запрещать помогать во благо. Скажем друг другу, что будем помогать во благо на всех путях. Будем помнить, что запрещающий дать добрый совет уже есть недостойный разрушитель. Когда обездоленные, когда, может быть, даже целые роды и народы спросят совета и помощи, пусть он будет дан, как залог еще одного доброго взаимопонимания.

Пусть путники посмотрят на эту свою возможность, как на светлую обязанность, пусть выполнят ее со всею сердечностью, прилагая весь свой накопленный опыт. Своим искренним пожеланием преуспевания они придадут совету своему убедительность, и возрастет он, как лучшая жатва, и оживит многие человеческие пустыни. Каждый должен помогать всячески и на всех путях своих. Восточная мудрость гласит:

«Серебро, зарытое в землю, чернеет».

Будьте советниками добрыми. Помогайте и сердечно любите дело помощи.

28 января 1935 г.

Пекин.

Подвижность

Лама Мингиюр уезжает в монастыри. Наверно, опять соберет много значительных сведений и по старым преданиям, и по всяким лекарственным вопросам. Очень хорошо, что он едет. В этой подвижности заключается именно то качество, которое я всегда советовал нашим сотрудникам. Вот и лекарь Дава Тяньзин тоже уходит в горы. Если он не будет обновлять своих запасов, если перестанет встречаться с другими лекарями-ламами, то и его запас скоро оскудеет. Вот и еще двое сотрудников выехали. Один – в Лагор, а другая – за океан.

Когда мы основывали институт, то прежде всего имелась в виду постоянная подвижность работы. Со времени основания каждый год происходят экспедиции и экскурсии. Не нужно отказываться от этой уже сложившейся традиции. Если все сотрудники и корреспонденты будут привязаны к одному месту, то сколько неожиданных хороших возможностей замерзнут. Ведь не для того собираются люди, чтобы непременно, сидя в одной комнате, питать себя присылаемыми сведениями. В этом была бы лишь половина работы.

Нужно то, что индусы так сердечно и знаменательно называют «ашрам». Это – средоточие. Но умственное питание «ашрама» добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданные путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники «ашрама» тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои внутренние запасы. Недаром давно сказано, как один настоятель монастыря, когда братия уходила в странствия, говорил:

«Наша обитель опять расширяется».

Казалось бы, братия уходила, но настоятель считал именно это обстоятельство расширением обители.

Впрочем, сейчас всякий обмен научными силами, всякие экспедиции и странствия становятся уже непременным условием каждого преуспевания. При этом люди научаются и расширять пределы своей специальности. Странник многое видит. Путник, если не слеп, даже невольно усмотрит многое замечательное. Таким образом, узкая профессия, одно время так овладевшая человечеством, опять заменяется познанием широким.

Часто даже, казалось бы, удаленные друг от друга области становятся благодетельными сотрудниками. Конечно, так и должно быть, ибо последние устремления человечества, основанные на сотрудничестве, на кооперации, прежде всего научают синтезу. Еще недавно очень боялись этого объединительного понятия. Помним, как Анатолий Франс и многие другие просвещенные писатели тонко иронизировали над чрезмерною специализацией. Действительно, в природе так все кооперирует, настолько все слито и уравновешено, что лишь сознательное сотрудничество людей ответит этим основным законам всего сущего.

Польза путешествия и всестороннего познания, вероятно, никогда настолько не занимала умы, как сейчас. Скоро земной шар будет испещрен пройденными путями. Но это будет все-таки лишь первичная степень познания. И на каждых этих путях нужно будет и взглянуть высоко наверх, и глубоко проникнуть внутрь, чтобы оценить все разнообразие возможности, так недавно вообще не замеченное.

Опасно одно, что среди всяких поездок развивается слишком много спортивных поездок и состязаний. В этих чисто внешних механических соревнованиях теряется многое, что нужно было бы особенно наверстать в наши дни. Всякие соревнования на силу, неутомимость, на скорость нужно бы перенести и на скорость и глубину мышления, и познания. У каждого в запасе много анекдотов, всяких школьных недоумений и странностей; не будем их повторять. Но будем очень твердо помнить, что не следует устремляться лишь к техническому образованию.

Всякие ограниченно условные техникумы уже являются пережитком перед, опять властно возникающим, понятием синтеза. Если техникум где-то упирается в работа, то глубоко осмысленный синтез дает новую широту горизонта. Основывая отделы учреждений в разных странах, мы именно имели в виду, что когда-то и как-то произойдет теснейшее общение всех сотрудников. Они обогатят друг друга, они ободрят друг друга и перекликнутся самыми неотложно полезными понятиями. Если же в учреждениях явится какая-либо возможность для новых познаний, экспедиций, посещений, то пусть эта возможность не откладывается.

Будем продолжать уже сложившуюся традицию взаимных ознакомлений. Будем смотреть на каждое новое посещение мест нашими сотрудниками как на истинное развитие просветительного дела. А для этого прежде всего будем развивать истинную подвижность.

Когда говорим о подвижности, то не будем думать, что она близка многим. Не мало людей любит говорить о подвижности. Сидя в спокойных креслах за вечерним столом, они готовы очень легко помечтать, подняться, ехать, творить и работать на новых местах. Но, как только дело дойдет до выполнения этих мечтаний, многие найдут десятки причин им мешающих. Каждый из нас может припомнить, даже и в недавнем прошлом, поучительные эпизоды, как уже совсем было собравшиеся в путь дальний бессильно опускались в свое насиженное, спокойное кресло. Причины отступления, конечно, были и многочисленны, и как бы житейски уважительны.

Когда человек хочет оправдать себя в неделании чего-либо, то, поверьте, он найдет множество помогающих обстоятельств. При этом неподвижность будет оправдана очень многими. А подвижность, т. е. желание нового труда, нового познания – будет очень легко осуждена. Будет сказано и о пустом мечтательстве, о несбыточных стремлениях, о легковерии, мало ли о чем найдет сказать изворотливый рассудок, когда он хочет уклониться от чего-то подсказанного сердцем.

Сколько раз мы читали письма, полные устремления в даль, полные готовности к обновленному труду, но, как только вы спрашивали сего писателя, когда он может выехать к новому поприщу, как он впадал в престранное молчание. Очевидно, вся бытовая запыленность обрушивалась и приводила к молчанию язык сердца. Выползали всякие рогатые сомнения, выслушивались всякие нелепые соображения и утеривалась еще одна возможность. Мало того, что утеривалась она лично; она могла отягощать и вредить множеству и близких и дальних людей.

Ради призрачной помощи немногим, забывалось сотрудничество и помощь в очень больших делах. Основной же причиной все-таки оказывались неподвижность, прижитость к своему просиженному креслу. А ведь за неподвижностью встает и призрак страха перед каждою новизною вообще. Этот призрак ведет к ветхости и дряхлости. Когда же наступит такое разложение, то никакими внешними мерами уже не помочь.

А сколько раз не что иное, как какие-то несчастные вещи делали людей неподвижными. Мы сами видели весьма прискорбные примеры, когда люди, казалось бы, интеллигентные, из-за вещей обрекали себя на самое печальное существование. Ох, уж эти вещи! Эти мохнатые придатки пыльного быта. Иногда они начинают до такой степени властвовать, что голос сердца при них кажется не только неправдоподобным, но даже как бы неуместным.

Всегда радуюсь, когда вижу в сотрудниках подвижность.

11 февраля 1935 г.

Постоянная работа

Наши комитеты уже спрашивают, каково будет их положение после ратификации Пакта? Некоторым друзьям, может быть, кажется, что официальная ратификация Пакта уже исключает всякую общественную инициативу и сотрудничество. Между тем на деле должно быть как раз обратное. Чем дальше, тем больше должно требоваться в деле охраны культурных сокровищ общественное и частное начало.

Дело культуры никогда не может быть лишь делом только правительства страны. Культура есть выражение всего народа, вернее, всех народов. Потому-то народное общественное сотрудничество в деле культуры всегда необходимо для настоящего преуспеяния. Просветительные и учебные заведения хотя и будут под непосредственным управлением правительства, но они никогда не обойдутся и без общественного участия. Чем ближе будут всякие общества друзей музеев, чем активнее будут родительские комитеты при школах, тем большее живое сотрудничество возникнет.

Так же точно и в деле применения Пакта Охраны Культурных Сокровищ. Как бы ни были деятельны правительственные комитеты и учреждения, они не обойдутся без помощи частной, доброжелательной инициативы. Тем более те комитеты, которые участвовали и свидетельствовали все перипетии дела Пакта, должны остаться ближайшими содеятелями и на все будущее время. Если уже и теперь наши комитеты Пакта разнообразно развивают свою деятельность, то в будущем они могут тем более споспешествовать государственному делу.

Вспомним, сколько за протекшие четыре года было предпринято полезных начинаний! Вспомним, что, помимо трех международных конференций, сколько лекций было устроено в разных странах! Сколько выступлений состоялось в школах, сколько статей появилось в разнообразной прессе, сколько процессий и всяких манифестаций Знамени было неутомимо устроено, чтобы вносить в жизнь понятие охраны культурных ценностей. Наконец, кроме местных комитетов, Вашингтонская конвенция установила Комитет Пакта. Этим наименованием уже было предопределено несменное, постоянное существование такого комитета. Этот комитет является хранителем традиций, выявленных и утвержденных Вашингтонской конвенцией. Комитет был поставлен, в силу единогласного постановления конвенции, как верный страж, как священный дозор по охране культурных ценностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.